Almoyag
A44 7/17

А44 7/17

П. Н. Столпянскій.

Старый Петербургъ.

Аптекарскій, Петровскій, Крестовскій острова.

БИБЛІОТЕКА
Графа К. П. Кутайсова.
Шкафъ.....
Полка .....
№.....

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія С. Л. Кинда, Казанская ул., № 44.
1916.

761/6

БИБЛИОТЕКА
Государственной ... № 277616 193 г.

Старый Петербургъ—Аптекарскій, Петровскій и Крестовскій острова.

I.

Историкъ П. Н. Петровъ въ своей «Исторіи Санктъ-Петербурга» [1]), К. Нистремъ въ вступительной статьѣ къ «Адресъ Календарю С.-Петербурга» [2]), указываютъ, что нынѣшній Аптекарскій островъ звался по-фински *Корпи-саари,* и переводятъ это названіе — дикій, еловый; В. Липскій, историкъ Императорскаго Ботаническаго Сада [3]), І. Исполатовъ, описатель церкви на Аптекарскомъ островѣ [4]), приводя то же финское названіе (Корпи-саари), переводятъ его «вороній». Не зная, который изъ этихъ переводовъ болѣе правиленъ, мы можемъ только отмѣтить, что всѣ вышеуказанныя названія вполнѣ подходили къ острову—онъ былъ и дикимъ, на немъ росла главнымъ образомъ ель и, надо думать, въ достаточномъ количествѣ обитали вороны. Какъ первое время прозвали островъ появившіяся здѣсь русскія войска Петра Великаго, мы не знаемъ, это названіе не сохранилось до нашего времени, настоящее же прозвище было дано гораздо позже—въ 1713 или 1714 годахъ.

Первое же знакомство русскихъ съ этимъ островомъ было не вполнѣ ординарное. Шведы, владѣвшіе до 1703 года дельтою Невы, не могли такъ скоро помириться съ тѣмъ, что Петръ Великій на маленькомъ островкѣ (Ени-саари, Лустъ-саари, Тейфель-саари) воздвигалъ будущую Петропавловскую крѣпость, запиравшую входъ въ Неву, а рядомъ, на Ѳоминомъ островѣ, нынѣшней Петроградской сторонѣ, закладывалъ основаніе для города. Шведы рѣшили дружнымъ одновременнымъ натискомъ съ моря флотомъ, а съ суши, съ Выборгской стороны, арміей, напасть на возникающую крѣпость и городъ и сравнять ихъ съ землею.

Но первый комендантъ Санктъ-Питербурха Робертъ Виліамовичъ Брюсъ не дремалъ: быстро, въ одну ночь, воздвигъ онъ на Аптекарскомъ острову, на противоположномъ Выборгской

А 44 7/17

сторонѣ берегу, земляныя батареи и когда 11 іюля 1705 года [5]), шведы, не подозрѣвая о существованіи этихъ батарей, стали переправляться на шлюпкахъ на Аптекарскій островъ—батареи открыли мѣткій огонь, потопили рядъ шлюпокъ, въ шведскихъ рядахъ произошло смятеніе, нападеніе не удалось, оно было отражено, а такъ какъ въ дальнѣйшемъ, съ этой выборгской стороны, шведы не подходили къ Петербургу, то въ батареяхъ не оказалось надобности, ихъ не ремонтировали, они обсыпались, сравнялись съ землею и исчезли безслѣдно. Ни на одномъ планѣ Петербурга намъ не удалось найти мѣстоположеніе этихъ батарей.

Послѣ 1704 года въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ объ Аптекарскомъ островѣ какъ бы забыли, о немъ мы не встрѣчаемъ никакихъ упоминаній. Но нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства: Петръ Великій, почти тотчасъ послѣ основанія своей сѣверной пальмиры, роздалъ всѣ острова своимъ родственникамъ и приближеннымъ, но въ этомъ спискѣ не значится нынѣшній Аптекарскій островъ. Такъ какъ этотъ островъ отдѣлялся отъ Петербургской стороны незначительною рѣкою Карповкою (испорченное первоначальное названіе самаго острова Карпи) то, можетъ быть, Петръ Великій считалъ этотъ островъ только частью самой Петербургской стороны, на которой строились первоначальные дома петербуржцевъ, или, можетъ быть, Петръ Великій оставилъ этотъ островъ про запасъ, предполагая дать ему какое-нибудь спеціальное назначеніе. Конечно, все это болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, изъ которыхъ насъ выводитъ слѣдующая дата—18 мая 1714 года.

Этимъ днемъ отмѣчено розысканный В. Липскимъ [6]) въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ рукописный планъ Аптекарскаго острова (Рис. 1), составленный дьякомъ Ларіономъ Протасовымъ:

Конечно, нельзя смотрѣть на этотъ планъ какъ на неоспоримый топографическій и историческій документъ. Топографически этотъ планъ вполнѣ не вѣренъ, такъ какъ, конечно, съемка производилась на глазъ, безъ точныхъ инструментовъ. Историческое значеніе этого плана тоже приблизительное — на него были нанесены не только существующія постройки, но и всѣ предполагавшіяся, причемъ не было сдѣлано разницы между первыми и послѣдними. Вообще должны замѣтить, что къ графическимъ документамъ XVIII вѣка необходимо относиться съ чрезвычайною осторожностью. Вотъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ: всѣмъ извѣстная

III/6

гравюра рисунка Махаева: проспектъ Васильевскаго острова со зданіемъ Академіи Наукъ, датированная 1753 годомъ, изображаетъ намъ зданіе кунсткамеры (нынѣшняя библіотека Академіи Наукъ) въ законченомъ видѣ. И, смотря на эту гравюру, конечно, можно говорить и о красотѣ Петербурга и о успѣшности застройки. Но если эту гравюру мы провѣримъ по архивнымъ даннымъ, то окажется, что зданіе кунсткамеры, которое особенно выдѣляется на гравюрѣ, сгорѣло въ 1714 году, высокая башня ея провалилась и въ такомъ видѣ кунсткамера была еще въ 1755 году, когда ее только начали ремонтировать. А Махаевъ изобразилъ это зданіе законченнымъ въ 1753 г. Такъ и на другихъ гравюрахъ и планахъ мы, въ большинствѣ случаевъ, находимъ проекты, представленные какъ бы въ исполненномъ видѣ.

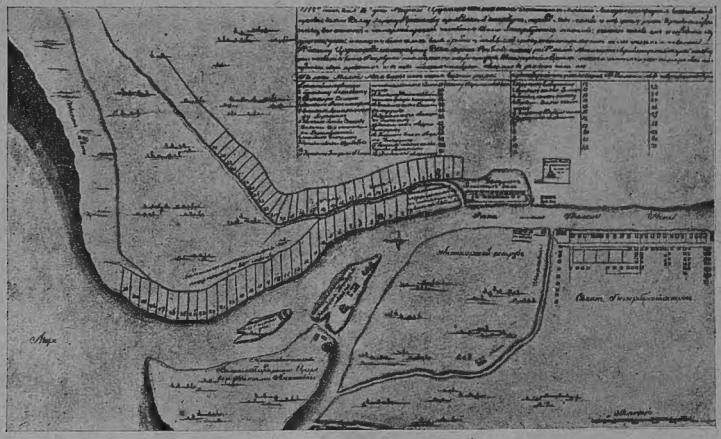

Рис. 1.

Но, если нельзя руководиться планомъ Л. Протасова, какъ топографическимъ или историческимъ документомъ, то все-таки онъ имѣетъ громадное значеніе; онъ свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій еще въ 1713 году уже назначилъ интересующій насъ островъ Корпи-саари для особой цѣли—для Аптекарскаго огорода и такимъ образомъ онъ подтверждаетъ болѣе поздній документъ [7]), въ которомъ дѣлается ссылка на одинъ не дошедшій до насъ указъ Петра Великаго объ образованіи Аптекарскаго огорода. Документъ этотъ слѣдующаго содержанія:

«Въ Медицынской колегіи выписано.

Въ прошломъ 714-мъ году ѳевраля 11 дня по указу бложенные и вѣчно достойные памяти Его Императорского Величество за закрепою архіатера Ареекина, но данномъ подъ аптеку по имянному Его жъ Императорскаго Величества словесному указу островѣ (на которомъ постороннимъ людемъ никому кромѣ аптекарскихъ служителей строитца не вельно) огороженъ огородъ и построенъ для житія аптекарскимъ служителемъ дворъ, мѣрою земли длиннику въ переднемъ конце 161 саженъ, въ заднемъ конце 94 сажени съ аршиномъ, поперешнику въ переднемъ конце 121 саженъ, въ заднемъ конце 103 сажени».

Въ этомъ документѣ особенно важно для насъ указаніе, не разъ подтверждавшееся впослѣдствіи, что на аптекарскомъ островѣ «постороннимъ людемъ никому кромѣ аптекарскихъ служителей строитца не вельно».

Прошло много времени, пока идея Петра Великаго—образованіе на Аптекарскомъ островѣ Аптекарскаго огорода—превратилась въ жизнь и скромный петровскій аптекарскій огородъ сдѣлался Императорскимъ Ботаническимъ садомъ, представляющимъ гордость не только современнаго Петрограда, но и всей Россіи, являющимся однимъ изъ лучшихъ ботаническихъ садовъ всего свѣта. И съ аптекарскимъ островомъ дѣлались метаморфозы, одна другой интереснѣе, оригинальнѣе.

8 Іюля 1727 года [8]) появился указъ о воспрещеніи охоты на зайцевъ на Аптекарскомъ островѣ».

Указъ этотъ былъ вызванъ вотъ какими обстоятельствами: князья Долгорукіе, послѣ паденія кн. Меншикова, всѣми мѣрами старались отвлечь юнаго Императора Петра II отъ государственныхъ дѣлъ. Однимъ изъ средствъ для этого была признана охота—къ ней пріучали молодого монарха. Охота для начала производилась на зайцевъ, на Аптекарскомъ островѣ. А такъ какъ зайцевъ было мало, то было велѣно ловить въ окрестностяхъ Петербурга «русаковъ и бѣляковъ» и пускать ихъ на Аптекарскій островъ, который такимъ образомъ сдѣлался какъ бы питомникомъ, разсадникомъ зайцевъ.

Петербуржцы того времени, конечно, обрадовались такому неожиданному обилію зайцевъ и тайкомъ охотились на нихъ. И появился вышеприведенный указъ, воспрещающій подъ жестокимъ наказаніемъ охоту на Аптекарскомъ островѣ. Указъ этотъ былъ повторенъ еще въ царствованіи Императрицы Анны

Іоанновны, 18 Сентября 1732 года [9]), но уже по инерціи, для формальности, такъ какъ во времена Анны Іоанновны, страстнаго охотника и стрѣлка, для охоты избирали болѣе отдаленныя отъ Петербурга мѣста, Царское Село, напримѣръ.

Но если, теперь, Аптекарскій островъ былъ признанъ негоднымъ для охоты, то его не сочли возможнымъ предназначить для заселенія, а 10 Мая 1734 года [10]) отдали подъ выгонъ скота Новгородского архіерея. Подворье этого іерарха помѣщалось на Петербургской сторонѣ тамъ, гдѣ нынѣ Петропавловская больница. Дѣйствительно, положеніе Аптекарскаго острова, напротивъ этой больницы, было очень удобно для выгона. Это же обстоятельство указываетъ, что къ 1734 году Аптекарскій островъ былъ очень мало заселенъ. Хотя Аптекарскій островъ оставался подъ выгономъ для новгородского архіерея очень незначительный промежутокъ времени, всего на всего 2 года, такъ какъ 4 Ноября 1736 года [11]) появилось новое распоряженіе: «объ отдачѣ на Аптекарскомъ острову мѣста, бывшаго въ пользованіи Новгородскаго архіерея Ѳеофана по прежнему въ вѣдѣніе медицинской канцеляріи», но идея обратить этотъ островъ въ выгонъ не умерла, и снова появилась въ докладѣ одной изъ безчисленныхъ комисій объ устроеніи Петербурга отъ 26 Апрѣля 1767 года [12]).

Эта Екатерининская комисія по устройству Петербурга находила, что столица слишкомъ растетъ въ своей территоріи, что необходимо остановить этотъ ростъ, а потому слѣдуетъ опредѣлить, что нужно считать городомъ, что предмѣстіемъ. Комисія и положила считать на Московской сторонѣ границею города рѣку Фонтанку, такимъ образомъ нынѣшнія Литейная, Рождественская, Московская, Нарвская части были названы предмѣстіемъ; изъ острововъ же въ черту города включены были только два: Васильевскій и Петербургскій, остальные острова были отведены или подъ дачныя мѣста или же какъ Аптекарскій островъ, подъ выгонъ для скота жителей нынѣшней Петроградской стороны.

Постоянныхъ мостовъ черезъ Неву не было и на время ледохода и ледостава Петербургская сторона была отрѣзана и отъ Васильевскаго острова, и отъ Выборгской и Московской сторонъ, на которыхъ были въ то время кладбища (Смоленское, у церкви Сампсонія и Волково), жителямъ Петербургской стороны негдѣ было хоронить своихъ покойниковъ. Комисія отъ строенія и порѣшила на выгонѣ Аптекарскаго острова устроить

такое временное (на весну и осень) кладбище. Для него было отведено мѣсто, которое видно на воспроизводимомъ ниже планѣ Аптекарскаго острова (Рис. 2).

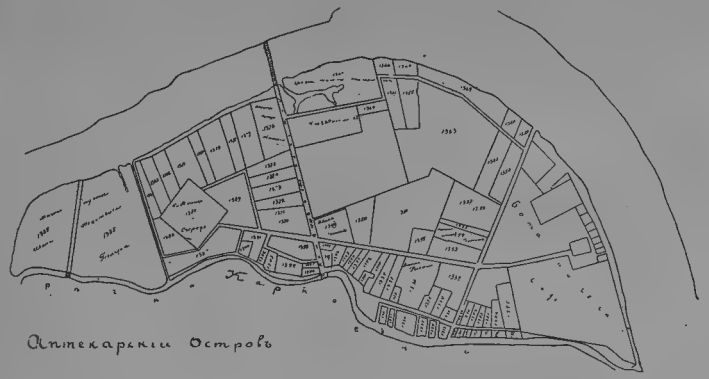

Рис. 2.

Вопросъ объ этомъ кладбищѣ долгое время былъ спорнымъ, его мѣстоположеніе не было точно выяснено, а на различныхъ планахъ Петербурга оно и показывалось различно и носило разныя названія, какъ-то голландское, иновѣрческое и т. д. Теперь нами установлены точно и дата образованія этого кладбища и мѣстоположеніе его [13]). Въ 1773 году [14]) это кладбище огородили частоколомъ и хотѣли построить часовню, но эта постройка, какъ кажется, не была осуществлена по недостатку средствъ; покойниковъ хоронили, видимо, не много, потому что уже въ 1795 году, 26 Марта [15]), рѣшено было «свободную часть Карповскаго кладбища отдавать подъ огородъ»,[1] наконецъ, съ устройствомъ постояннаго Тучкова моста, когда появилась для жителей Петербургской стороны возможность и весною и лѣтомъ хоронить покойниковъ на Смоленскомъ кладбищѣ, Карповское кладбище было закрыто, а мѣсто приписано къ Петропавловскому собору [16]). Только впослѣдствіи это мѣсто было распланировано.

Устраивая кладбище, отводя мѣсто подъ выгонъ, комисія Петербургскаго устройства, подчеркивало то же обстоятельство, которое мы видѣли въ Петровскомъ указѣ: «Аптекарскій островъ не предназначенъ для застройки, на немъ не должно быть частныхъ построекъ». И это воспрещеніе оставалось въ силѣ до 1799 года [17]), когда Императоромъ Павломъ I было сдѣлано, наоборотъ, распоряженіе, чтобы «всѣ впустѣ лежав-

шія мѣста розданы были желающимъ для постройки загородныхъ домовъ».

Это распоряженіе Павла I появилось вслѣдствіе того, что, несмотря на воспрещенія, Аптекарскій островъ застраивался и застраивался главнымъ образомъ на «захватномъ правѣ». Смотря на приведенный нами планъ конца XVШ или начала XIX вѣка мы ясно видимъ, что, судя по неправильнымъ границамъ, по извилистому направленію улицъ, наконецъ, по обилію тупиковъ, не существовало какого-либо плана застройки, а тайкомъ бралось то или иное мѣсто, огораживалось, и на немъ выстраивалась та или иная постройка — полицейской власти, такимъ образомъ, приходилось считаться съ совершившимся фактомъ. А такъ какъ захватъ производился по большей части не маленькими людьми, а лицами, власть имущими, то полицейская власть, несмотря на воспрещеніе застройки, смотрѣла на эту застройку закрытыми глазами...

Выяснимъ нѣкоторыя детали этой застройки. Первымъ указомъ, отъ 11 февраля 1714 года, разрѣшено было отводить мѣста лишь для лицъ служащихъ въ аптекарскомъ огородѣ— этимъ лицамъ отводились участки недалеко отъ огорода, внизъ по теченію рѣки Карповки — такимъ образомъ произошло заселеніе берега Карповки, появилась такъ называемая Карповская слободка, которая сохранила свое названіе и до болѣе поздняго времени. Такъ, въ 1803 году [18]) мы читаемъ такое свѣдѣніе: «Отдается въ наемъ и продается дача на подобіе каменнаго строенія съ садомъ и со всѣми принадлежностями, на Аптекарскомъ острову, по проспекту, что позади Карповской слободы, къ саду Аптекарскому, на лѣвой рукѣ послѣдняго. Узнать оную по розовой на дому краскѣ».—Такимъ образомъ еще въ 1803 году дома, стоящіе по Карповкѣ между ею и нынѣшнею Песчаною улицею, звались Карповскою слободкою. Названіе же частей Петербурга «слободками» практиковалось только въ первые года жизни столицы, уже въ концѣ царствованія Петра I названіе слободка стало замѣняться или улицею, или линіей, или проспектомъ. Безусловно, названіе «Карповская слободка» свидѣтельствуетъ о раннемъ времени ея образованія.

Аптекари и служащіе Аптекарскаго огорода, получившіе участки, старались ихъ болѣе или менѣе выгодно продать, но такъ какъ продажа безъ разрѣшенія была воспрещена, то покупка обставлялась какими либо фиктивными договорами;

точно также до 1804 года было воспрещено дробленіе домовыхъ участковъ, несмотря на ихъ громадные размѣры; это дробленіе, конечно, происходило, но участокъ, фактически принадлежавшій нѣсколькимъ владѣльцамъ по полицейскимъ книгамъ продолжалъ числиться за первоначальнымъ владѣльцемъ. Все это вмѣстѣ взятое въ значительной степени затрудняетъ работу по опредѣленію первоначальныхъ владѣльцевъ домовыхъ участковъ.

Кромѣ такой самовольной перепродажи участковъ и разбивки ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выдѣлялись на Аптекарскомъ островѣ, безъ вѣдѣнія и согласія Медицинской коллегіи, участки другими начальствами, мы уже видѣли выше, что въ 1767 году было образовано кладбище, гораздо раньше, въ 1725 году [19]) губернская канцелярія отвела по берегу Карповки участокъ подъ торговую баню и кабакъ—первая существуетъ и по днесь на томъ же самомъ мѣстѣ. Вообще должны замѣтить, что бани и кабаки являются своего рода маяками для топографіи Петрограда. Разъ обосновавшись, бани оставались почти всегда на томъ же мѣстѣ, ни пожары, ни новыя распланировки не переносили ихъ съ разъ выбраннаго мѣста, почти то же самое приходится сказать и о кабакахъ XVIII вѣка, причемъ, такъ какъ послѣдніе получали обыкновенно еще народное прозвище, сообразно мѣстности, владѣльца ихъ и т. д., въ этихъ названіяхъ мы находимъ иногда замѣчательно интересныя подробности. На заселеніе Аптекарскаго острова вліяло безусловно и устройство мостовъ не только черезъ Карповку—незначительность этой рѣчки не препятствовало устройству мостовъ, но—и черезъ Неву. Съ Аптекарскаго на Каменный островъ было повелѣно устроить мостъ на баркахъ 25 Марта 1760 года [20]), строила этотъ мостъ Адмиралтействъ-Коллегія [21]); затѣмъ этотъ мостъ взяла въ свое вѣдѣніе Канцелярія отъ Строеній, но, очевидно, найдя, что доходъ съ этого моста незначителенъ—за проходъ и проѣздъ черезъ мосты брали особый сборъ—устроила такъ, что мостъ изъ ея вѣдѣнія перешелъ въ содержаніе главной полицмейстерской канцеляріи [22]). Мостъ оставался плошкоутнымъ до 1811 года, когда по проекту Бетонкура былъ построенъ первый въ Россіи деревянный арочный мостъ [23]). Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первый опытъ постройки постояннаго моста черезъ рукавъ Невы. Начало постройки относится къ 1811 году, въ 1812 году было закончено битье свай, а 30 Августа 1813 года [24]) открылось движеніе. Произ-

водителями работъ были инженеры перваго выпуска Института Инженеровъ Путей Сообщенія—Готманъ и Пантелѣевъ. Мостъ былъ о 7 пролетахъ, при наибольшемъ пролетѣ въ 11 саж. 4 фута, съ подъемомъ въ 1 саж. 6 фут. Каждая арка состояла изъ четырехъ брусьевъ, связанныхъ зубьями и приготовленныхъ изъ 10 вершковаго лѣса, устои были каменные, а быки деревянные. Спустя 20 лѣтъ въ 1833 году мостъ былъ капитально ремонтированъ и простоялъ еще почти 30 лѣтъ, пока въ 1859 году онъ не былъ замѣненъ деревяннымъ подкоснымъ мостомъ.

Къ началу 30-хъ годовъ XVIII вѣка застройка Аптекарскаго острова различными дачами, мызами была настолько велика, что нашелся предпріимчивый иностранецъ, который открылъ въ 1793 году [29]) на Аптекарскомъ островѣ кофейный домъ, въ которомъ «каждое воскресеніе и праздникъ играла музыка и былъ балъ». Кофейный домъ просуществовалъ довольно долго, такъ въ 1803 году [26]) онъ былъ «насупротивъ Каменнаго острова, по лѣвую руку съ моста, на берегу малой Невы въ загородномъ домѣ г-на надворнаго совѣтника Свенска». Въ это время въ кофейномъ домѣ «можно было не только получать обѣдъ порціями, но, по заказамъ, угощать и цѣлое общество хорошими кушаньями, отборными и чистыми напитками и всякаго рода закусками за весьма умѣренную цѣну. Поелику пріятное положеніе дома—говорилось далѣе въ объявленіи этого кофейнаго дома — и прекрасный его видъ и постройка могутъ доставить посѣтителямъ онаго *увеселеніе на сушѣ и на водѣ,* то содержатель льститъ себя надеждою заслужить благоволеніе и одобреніе пристойной сему дому публики, и на которую онъ при семъ заведеніи преимущественно возлагалъ свою надежду; тѣмъ паче, что честными поступками и усерднымъ угощеніемъ онъ будетъ стараться о пріобрѣтеніи довѣренности посѣтителей».

Это помѣщеніе кофейнаго дома мы можемъ точно опредѣлить, здѣсь въ настоящее время помѣщается богадѣльня с.-петербургскаго Купеческаго Общества.

Разрѣшеніе застройки Аптекарскаго острова, данное Императоромъ Павломъ I, избраніе затѣмъ Императоромъ Александромъ I лѣтняго мѣстопребыванія въ Каменноостровскомъ дворцѣ, безусловно содѣйствовали дальнѣйшей застройкѣ острова. И въ началѣ XIX столѣтія мы постоянно наталкиваемся на извѣстія подобно нижеслѣдующимъ [27]): «Продается

на Аптекарскомъ острову пустопорожнее мѣсто, въ коемъ мѣры поперешника въ переднемъ концѣ 28, въ заднемъ 30, а длиннику 100 саженъ, всего же 3400 квадратныхъ саженъ» или [28]) «ежели кто желаетъ купить для построенія лѣтняго дома и разведенія сада пустопорожнее, но уже полисадомъ обнесенное мѣсто на Аптекарскомъ острову отъ большаго на Каменный островъ проспекта на право, въ линію, возлѣ Казнаковой дачи 2-ое, подъ которымъ мѣрою земли 3454 кв. саж.».

Въ соотвѣтствіи такимъ крупнымъ участкамъ, на которыхъ были и «березовыя рощи» [29]) и «деревья на корню до 1000» [30]) строились и самыя дачи. Приведемъ одно описаніе, очень характерное, относящееся къ 1804 году [31]): «На Аптекарскомъ островѣ, по набережной малой Невки, насупротивъ Каменнаго острову, на лѣвую сторону отъ моста, вторая отъ угла на хорошемъ мѣстѣ продается и сдается удобно расположенная дача, совсемъ меблированною, со принадлежащимъ къ оной мѣстомъ для сада и парниками. Въ самомъ большомъ строеніи въ нижнемъ этажѣ 11, въ верхнемъ 6 удобно расположенныхъ жилыхъ покоевъ съ расположенными къ нимъ буфетами и чуланами; во флигеляхъ большая господская кухня съ покоями, кондитерская, теплый погребъ, ледникъ, прачешная, комната для глаженія бѣлья, господская баня съ предбанникомъ и диванною, особые жильее покои съ кухнею для офиціантовъ и служителей, конюшня о 10 стойлахъ, сарай для 5 каретъ съ жилымъ покоемъ для кучеровъ и другихъ служителей, амбары, кладовыя. Поелику при строеніи сей дачи обращено было вниманіе и на то, чтобы въ оной не только въ лѣтніе, но и въ зимнее время жить было можно, то залы и всѣ покои, какъ въ большомъ зданіи, такъ и во флигеляхъ снабдѣны хорошими печами, двойными полами, зимними переплетами и штукатуренными потолками».

Изъ этого описанія видно, что это былъ вполнѣ барскій, богатый домъ. Кромѣ такихъ барскихъ особняковъ существовалъ рядъ болѣе мелкихъ построекъ, а на берегу Невки, около ботаническаго сада выросъ спеціальный городокъ для Медицинскаго Департамента, здѣсь былъ и аптекарскій складъ, и лабораторія, и типографія, и особая школа для дѣтей медицинскаго вѣдомства; первоначальная постройка этихъ отдѣльныхъ зданій относится ко 1797—1799 годамъ [32]); въ іюнѣ 1839 года [33]) была учреждена особая комисія для возведенія на Аптекарскомъ островѣ зданія для главнаго аптечнаго магазина

и лабораторіи; эта комисія была закрыта 11 февраля 1847 года [34]), такимъ образомъ постройка велась 8 лѣтъ; затѣмъ въ 1859 году [35]) главный аптекарскихъ матеріаловъ магазинъ и медико-хирургическій заводъ были переданы въ военное вѣдомство, до этого времени они находились въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Сравнительно быстрое увеличеніе населенія Аптекарскаго острова само собою естественно подняло вопросъ о церкви. Такъ какъ Аптекарскій островъ считался принадлежащимъ Медицинскому вѣдомству, главныя учрежденія котораго находились на Выборгской сторонѣ, въ приходѣ Самсоніевской церкви, то къ этой церкви былъ приписанъ и островъ; но посѣщать эту церковь жителямъ Аптекарскаго острова было и далеко и неудобно, а весною и осенью, вслѣдствіе неимѣнія еще постояннаго моста на Выборгскую сторону, и невозможно. И 27 Мая 1808 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ особой церкви на Аптекарскомъ островѣ, а 6 Августа того же года церковь была освящена въ готовомъ каменномъ зданіи на набережной Большой Невки подлѣ ботаническаго сада. Церковь была маленькая, съ небольшою деревянною колокольнею, съ деревянною пристройкою для паперти и съ деревяннымъ навѣсомъ у оконъ со стороны ботаническаго сада для стоянія подъ нимъ прихожанъ въ лѣтнее время [36]).

Очевидно, что такая церковь не могла удовлетворить все увеличивающееся и увеличивающееся населеніе Аптекарскаго острова и послѣ безконечной переписки 21 Декабря 1839 года [37]) былъ утвержденъ проектъ архитектора К. А. Тона однопрестольной каменной церкви во имя Преображенія Господня. Это была чуть ли не одна изъ первыхъ церквей К. А. Тона такъ называемой «русско-византійской архитектуры», которая признавалась затѣмъ единственно допустимой для русскихъ церквей. Постройка церкви была сдѣлана сравнительно скоро, несмотря на то, что фундаментъ дѣлался на сваяхъ, которыхъ было забито 983 штуки.

Изображеніе евангелистовъ на парусахъ главнаго свода въ 1845 году сдѣлалъ самъ Карлъ Брюлловъ [38], другіе образа были исполнены академикомъ Сазоновымъ.

16 Сентября 1845 года по распоряженію Преосвященнаго Антонія митрополита Новгородскаго было совершено освященіе этой церкви. Освященіе совершалъ извѣстный въ то время рядомъ богословски-поучительныхъ сочиненій ученый протоіерей Іоакимъ Кочетовъ [39]).

Такимъ образомъ мы довольно детально прослѣдили заселеніе Аптекарскаго острова.

Теперь обратимся къ ряду небезынтересныхъ и даже въ чисто садоводномъ отношеніи частностей.

На первый планъ безусловно выдѣляется участокъ подъ № 1368 (смотри планъ конца XIX или XVIII вѣка, рис. 2), находящійся въ настоящее время по лѣвую сторону Каменноостровскаго проспекта у Каменноостровскаго моста и раздѣляемый на двѣ части сперва проѣзжею дорогою, а затѣмъ и улицею, существующій поднесь подъ названіемъ «Лопухинская».

Этотъ громадный участокъ сперва принадлежалъ графу Григорію Григоріевичу Кушелеву-Безбородко, отъ котораго перешелъ къ свѣтлѣйшему князю Лопухину — отчего вышеупомянутая улица и зовется Лопухинская—у послѣдняго этотъ участокъ былъ купленъ въ 1848 году купцомъ В. Ѳ. Громовымъ.

Въ 1811—12 годахъ на дачѣ кн. Лопухина жилъ французскій посолъ Коленкуръ, а напротивъ, черезъ Невку, въ Каменноостровскомъ дворцѣ имѣлъ пребываніе Императоръ Александръ I. Отношенія Россіи и Наполеона становились натянутыми, чувствовалось приближеніе грозы. И французскій посолъ, сидя у себя въ кабинетѣ, или гуляя по аллеямъ своего парка, могъ внимательно наблюдать за тѣмъ, что происходило въ Каменноостровскомъ дворцѣ, кто изъ министровъ или военноначальствующихъ пріѣзжалъ къ Императору и т. д. И, конечно, французскіе курьеры носились между Петербургомъ и Парижемъ и Наполеонъ былъ въ курсѣ дѣла.

В. Ѳ. Громовъ—король лѣсной торговли, былъ большимъ любителемъ садоводства, и, пріобрѣтя дачу кн. Лопухина, разбилъ на ней по своему плану садъ и выстроилъ такія оранжереи, которыя считались въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія однѣми изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Оранжереи были выстроены по проекту профессора А. М. Горностаева и впослѣдствіи перестроены академикомъ Е. И. Винтергалтеромъ, который строилъ и самую дачу Громова [40]). Занимаясь изъ любви, или какъ говаривалъ В. Ѳ. Громовъ, «изъ охоты» садоводствомъ, В. Ѳ. Громовъ содѣйствовалъ зарожденію въ С.-Петербургѣ нынѣшняго общества садоводства, явившись однимъ изъ 12-ти его учредителей, среди гр. К. В. Нессельроде (дача и оранжереи котораго—о нихъ ниже—были рядомъ съ дачею Громова), С. С. Ланской, гр. А. А. Бобринскій и др. [41]).

Дѣятельность В. Ѳ. Громова на пользу отечественнаго садоводства не оставалась безъ оцѣнки: директоръ Императорскаго Ботаническаго Сада Э. Л. Регель назвалъ въ честь Громова одно изъ новыхъ, выращенныхъ имъ въ ботаническомъ саду растеній «Gromovia pulchella», а иностранные садоводы, пріѣхавшіе на первую въ Петербургѣ международную выставку садоводства въ 1869 году, оригинальнымъ образомъ почтили В. Ѳ. Громова послѣ осмотра его сада съ различными бесѣдками, мостиками (изъ нихъ славился такъ называемый «кавказскій» мостикъ), лабиринтами и его оранжерей. «Желая выразить чѣмъ-либо любезному хозяину свой ботаническій восторгъ и признательность за его гостепріимство и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и оставить ему что-нибудь о себѣ на память—такъ писалъ въ 1870 году біографъ В. Ѳ. Громова—вся масса гостей пожелала своими руками посадить предъ главнымъ фасадомъ оранжерей какое-нибудь дерево. Они тотчасъ же отыскали въ паркѣ небольшую липу, собственноручно ее выкопали, перенесли на избранное мѣсто и посадили, украсивъ дерево нѣсколькими листами бумаги съ собственноручными подписями фамилій. Липа принялась. Въ числѣ посѣтителей дачи Громова были Ю. Имме, изъ Берлина, Д. Брунардъ изъ Брюсселя, Ф. Вагнеръ изъ Риги, А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ изъ Москвы, Желѣзневъ, директоръ Петровской академіи—всего 89 представителей садоводства [42]).

В. Ѳ. Громовъ умеръ, дача его перешла въ другія руки, но все еще извѣстна въ Петроградѣ подъ именемъ Громовской дачи.

На другой половинѣ Громовскаго участка, по Каменноостровскому проспекту, не переходя Лопухинской улицы, съ 1849 года стали открываться одно за другимъ различныя увеселительныя учрежденія, подъ болѣе или менѣе громкими названіями: вилла Mon-Plaisir, Брилліантовая вилла и т. д.

«Очень хорошій оркестръ Левина основался—читаемъ мы въ 1850 году [43])—у самаго Каменноостровскаго моста, въ пространномъ саду бывшей дачи кн. Лопухина, принявшей названіе Вилла Монъ-Плезиръ. Тутъ пѣли «братья и сестры Мальчугины» и фокусникъ Квальярди показывалъ свои удивительныя штуки. Тутъ также совершались цвѣточныя празднества, безпроигрышныя лотереи, надѣлявшія весь пахучимъ букетомъ или горшкомъ блѣдныхъ сѣверныхъ розъ».

Въ это время въ Новой Деревнѣ процвѣталъ Излеръ съ своими «Минеральными Водами», болѣе извѣстными подъ сокращеннымъ названіемъ: «минерашки». Вилла Монъ-Плезиръ была открыта на полъ-пути изъ Петербурга къ Минерашкамъ со спеціальною цѣлью перехватывать публику, ѣдущую и идущую къ Излеру; но это не удалось, Излеръ продолжалъ процвѣтать, а вилла Монъ-Плезиръ, открывавшаяся чуть ли не каждую весну, къ срединѣ сезона прогорала.

Какъ мы выше сказали, рядомъ съ участкомъ Громова, по тому же Каменноостровскому проспекту, ближе къ Карповкѣ. находилась дача графа К. В. Несельроде съ громадными оранжереями. Намъ удалось отыскать описаніе этихъ оранжерей того времени, которое мы и приведемъ цѣликомъ: «Гдѣ мы?— такъ начиналъ свою замѣтку фельетонистъ 50-хъ годовъ XIX вѣка и тотчасъ давалъ отвѣтъ [44]): «дома, на Аптекарскомъ островѣ, на дачѣ гр. К. В. Нессельроде. Въ жизнь нашу не видали мы такого множества цвѣтовъ и цвѣтущихъ деревьевъ и притомъ въ такомъ удивительномъ порядкѣ, расположенныхъ съ такимъ вкусомъ, какъ въ оранжереяхъ графа К. В. Кессельроде. Да и какъ видѣть, когда ничего подобнаго нѣтъ во всей Европѣ? Оранжерея расположена на 230 погонныхъ саженяхъ и раздѣляется на 7 главныхъ отдѣленій: 1) камеліи, какихъ рѣшительно нѣтъ нигдѣ; 2) новоголландскія растенія; 3) растенія съ мыса Доброй Надежды; 4 и 5) декораціонныя оранжереи изъ цвѣтущихъ акацій, рододендровъ и пр.; 6) экзотическія, т. е. чужеземныя растенія; 7) оранжерея пальмъ. Эти 7 главныхъ отдѣленій имѣютъ двадцать подраздѣленій. Невозможно описать того впечатлѣнія, какое производитъ видъ этихъ цвѣтущихъ деревъ и это множество разнообразныхъ растеній, отъ радости воскликнуть хочется: «Великъ Господь во всѣхъ дѣлахъ своихъ!» Умилительно станетъ, когда подумаешь, что все это дано человѣку для его наслажденія, а человѣкъ не вѣсть за чѣмъ гоняется, пренебрегая природою, попирая предвѣчныя истины. Графъ К. В. Несельроде, какъ истинный вельможа, дозволяетъ всѣмъ и каждому насладиться прелестью этого единственнаго собранія рѣдкихъ растеній и деревъ. Искусный его садовникъ г. Линденъ сказалъ намъ, что ежедневно бываетъ въ оранжереяхъ отъ 300 до 700 посѣтителей, замѣтивъ при этомъ: почти всѣ изъ иностранцевъ! Русскихъ посѣтителей бываетъ весьма немного или они не знаютъ, что въ эти оранжереи доступъ дозволенъ—каждому или не находятъ въ этомъ наслажденія—рѣшить не берусь!»

Наконецъ, въ число достопримѣчательностей Аптекарскаго острова надо включить и садъ графини Лаваль (№ 1385 на планѣ). Этимъ садомъ очень восторгались современники; къ сожалѣнію, намъ не удалось пока разыскать объ этомъ садѣ какихъ-либо данныхъ, кромѣ того, что въ концѣ 1872 года извѣщалось, что «извѣстная своимъ обширнымъ и прекраснымъ паркомъ дача графа Борхъ, бывшая графини Лаваль, на той сторонѣ острова, которая лежитъ насупротивъ Крестовскаго острова, куплено нынѣ нѣсколькими капиталистами для устройства одного большаго завода. Мѣстность этой дачи, — поучительно добавлялъ хроникеръ того времени [45]) — омываемая съ трехъ сторонъ Малою Невкою и р. Карповкой представляетъ для устройства завода много удобствъ». Заводъ, положимъ, не былъ устроенъ, но паркъ Лаваля теперь разбитъ на участки и распродается отдѣльнымъ лицамъ.

II.

Такова исторія Аптекарскаго острова. Теперь обратимся къ тому учрежденію, которое нѣкогда носило названіе «Аптекарскій огородъ» и превратилось впослѣдствіи въ Императорскій Ботаническій Садъ, гордость не только Петрограда, но и всей Россіи, одинъ изъ лучшихъ ботаническихъ садовъ всего свѣта.

Конечно, послѣ изданія В. Липскимъ своего «Историческаго очерка Ботаническаго Сада» и управленіемъ послѣднимъ очерка всѣхъ учрежденій этого сада — писать исторію Ботаническаго сада не приходится. Мы въ нижеслѣдующемъ изложеніи касаемся Ботаническаго сада не какъ особаго ученаго учрежденія, а исключительно какъ части столицы и насъ интересуетъ лишь отношеніе этого ученаго учрежденія къ жизни всего Петербурга. Поэтому мы только въ общихъ чертахъ касаемся разныхъ метаморфозъ, причемъ дополняемъ свѣдѣнія г. Липскаго нѣкоторыми, добытыми нами лично. Наконецъ, нашъ очеркъ предназначается для болѣе широкаго круга читателей, которому важны не детали, а пусть нѣсколько схематическій, но общій очеркъ.

Что представлялъ изъ себя «Аптекарскій огородъ» во времена Петра Великаго, мы пока не знаемъ; изученныя архивныя данныя не даютъ достаточнаго матеріала, но можно безусловно утверждать, что что-то въ огородѣ дѣлалось, сѣя-

лись аптекарскія растенія, сушились, собирались и отсылались въ аптеки. Первое документальное свѣдѣніе относится къ 1732 году [46])—въ этотъ годъ находившееся въ С.-Петербургѣ въ крѣпости аптечное строеніе переведено на Аптекарскій островъ въ медицинскій огородъ. И къ тридцатымъ годамъ XVIII вѣка относится первое описаніе ботаническаго сада или медицинскаго огорода. Мы и начнемъ съ приведенія перевода этого описанія, сдѣланнаго пріѣзжимъ иностранцемъ Гавеномъ [47]):

«Аптекарскій островъ имѣетъ въ окружности добрую милю, но кромѣ Аптекарскаго сада и принадлежащихъ къ нему 3 или 4 зданій, едва ли на немъ находится болѣе 50 домовъ. Остальная часть представляла изъ себя красивый, но скромный еловый лѣсъ... Аптекарскій садъ служитъ вѣрнымъ доказательствомъ плодородія мѣстности Петербурга; онъ великъ и разбитъ по новѣйшему образцу. Въ немъ можно найти разныя растенія и деревья, произростающія въ Европѣ и Азіи, особенно въ оранжереѣ, да въ такомъ большомъ количествѣ, что г-нъ докторъ и профессоръ Зигесбекъ, состоящій директоромъ сада, неоднократно мнѣ говаривалъ, что изъ всѣхъ садовъ или видѣнныхъ имъ самимъ въ другихъ государствахъ или извѣстныхъ ему по существующимъ по этому поводу каталогамъ, онъ не знаетъ ни одного, равнаго этому; и въ мое время было привезено изъ Китая и «grossen Tartarey» нѣсколько сотъ разнаго сорта неизвѣстныхъ растеній, дать которымъ новыя названія этому доктору стоило не мало труда. Изъ этого сада всѣ аптекаря получаютъ свои растенія, почему его и прозвали Аптекарскимъ садомъ. Поэтому то тамъ постоянно живетъ аптекарь, обязанность котораго приготовлять и собирать травы. Въ фруктахъ въ этомъ саду также нѣтъ недостатка, что видно изъ того, что арендная плата за фруктовыя деревья ежегодно составляетъ нѣсколько сотъ государственныхъ талеровъ. Правда, большинство садовыхъ фруктовъ не такъ велики и хороши, какъ у насъ и въ другихъ мѣстахъ».

Отъ 1764 года (т. е. спустя 28 лѣтъ) имѣется описаніе г. Фалька, впослѣдствіи ставшаго директоромъ сада [48]):

«Я имѣлъ за это время случай видѣть Медицинскій садъ, я не нашелъ тамъ ничего замѣчательнаго, по крайней мѣрѣ, изъ Сибирскихъ растеній; въ оранжереѣ стояла цѣлая куча кофейныхъ растеній; нѣсколько африканскихъ и нѣсколько другихъ оранжерейныхъ растеній».

Проходитъ 30 лѣтъ и въ 1794 году появляются такія строки [49]):

«Аптекарскій садъ Медицинской коллегіи занимаетъ самую восточную часть Аптекарскаго острова и имѣетъ въ длину около 300, а въ ширину около 200 саженъ. Онъ опредѣленъ для лекарственныхъ растеній, есть однакожь въ немъ рощи, аллеи, пруды и особливо ботаническое отдѣленіе для преподаванія пронебословія (т. е. ботаники) при хирургическомъ училищѣ. Въ большомъ деревянномъ домѣ, въ саду, живетъ настоятель и профессоръ ботаники, иногда имѣетъ тутъ лѣтомъ также свое пребываніе Президентъ Медицинской коллегіи. Сушило для травъ подлѣ сада деревянное, со многими низкими потолками, очень велико, на кровлѣ есть небольшая площадка для обозрѣнія окрестныхъ мѣстъ. Здѣсь построена также химическая лабораторія медицинской коллегіи, въ которой приготовляются въ большомъ количествѣ разныя лекарства изъ пронебеній, также крѣпкая водка. Жилища садовниковъ около сада имѣютъ видъ небольшой деревни».

Черезъ 26 лѣтъ, въ 1818—1820 году, отзывъ опять измѣняется [50]):

«Все въ ботаническомъ саду представляло картину разрушенія... число оранжерей съ 20 сократилось до 5, а парниковъ съ 34 до 6; оранжереи готовы были рухнуть отъ ничтожнаго сотрясенія, во время морозной погоды растенія въ нихъ гибли отъ холода».

Еще два послѣднихъ описанія, первое датируется 1840, второе 1845 годомъ, т. е. и эти описанія сдѣланы приблизительно черезъ такой же промежутокъ времени отъ послѣдняго, какъ и предшествующія. Въ 1840 писали [51]):

«Ботаническій садъ въ С.-Петербургѣ рѣшительно лучшее гульбище. Многія деревья произрастаютъ здѣсь со времени Петра Великаго. Нѣкоторое время онъ былъ запущенъ: на куртинахъ его росли капуста и картофель; оранжери были почти пусты. А. А. Закревскій, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ вниманіе на этотъ садъ и съ тѣхъ поръ, какъ имъ завѣдываетъ знаменитый ботаникъ Ѳедоръ Богдановичъ Фишеръ, всѣ части ботаническаго сада доведены до возможнаго совершенства. Оранжереи богаты произрастеніями всѣхъ частей свѣта и такъ изящно расположены, что нельзя не налюбоваться этою прелестною цвѣтущею картиною. Аллеи и цвѣтники содержатся въ саду отлично, и во всемъ виденъ

изящный вкусъ и совершенное познаніе дѣла. Теперь этотъ садъ находится въ вѣдѣніи Министерства Императорскаго Двора. Садъ открытъ ежедневно для публики, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ всѣмъ гуляющимъ позволяется осматривать оранжереи. Совѣтуемъ всѣмъ, особенно дамамъ, побывать въ этихъ оранжереяхъ и полюбоваться чудесами растительнаго царства. Это не только пріятно, но и поучительно».

А въ 1845 году дополнили къ вышесказанному слѣдующее [52]):

«Приглашаемъ заглянуть въ восхитительный Ботаническій Садъ и полюбоваться тамъ роскошнѣйшими дарами природы: съ перваго шага въ этотъ садъ вы поражены — цвѣтами вы думаете, нѣтъ — истинно бархатною травою, такого богатаго ковра вы не увидите нигдѣ! А цвѣты?! — Даліи, на которыя теперь развелось тысячи любителей, здѣсь тысячами и въ тысячахъ видоизмѣненій. Вотъ изъ-за зеленой ограды подстриженныхъ кустарниковъ виднѣются по жердямъ самыя легкія вьющіяся растенія: вы любопытствуете заглянуть въ эту заповѣдную отгородку, что за прелесть! Игрушка ли это, богатый ли коверъ или декораціи? По зеленому полю цвѣтами натканы самые оригинальные рисунки; посмотрите—вотъ вьется подлѣ самой дорожки пестрая ленточка, составленная изъ всевозможныхъ, самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, не превышающихъ здѣсь 2 или 3 вершковъ вышины отъ земли. Вотъ на зеленомъ сукнѣ всѣ четыре масти карточной игры: червы, бубны образованы цвѣтами красными, трефы и пики цвѣтами темными. Вотъ рогъ изобилія, вытканный цвѣтами на зеленомъ коврѣ, изъ него сыплятся розы, фукціи и т. д., и всѣ они втрое менѣе натуральной величины. Вотъ щитъ Ахилессовъ— изъ астръ, цвѣтущихъ въ $1^1/_2$ вершка отъ земли. Всего не перечтешь, полюбопытствуйте сами и скажете потомъ, гдѣ, на какомъ гульбищѣ можно видѣть столько красоты, такіе тщательные наряды, такое разнообразіе, такую свѣжесть!».

Изъ приведенныхъ нами отзывовъ видно, что съ ботаническимъ садомъ происходило какъ будто волнообразное движеніе, приблизительно черезъ одинъ и тотъ же промежутокъ времени: 20—30 лѣтъ, садъ то поднимался на высоту своего развитія, то ниспадалъ до «картины запустѣнія и разрушенія».

Не менѣе интересны и тѣ перемѣны, которыя садъ испыталъ въ такъ называемомъ «вѣдомственномъ» отношеніи: до 1823 года садъ числился за Медицинскою коллегіею, съ

22 Марта 1823 года по 30 Марта 1830 года за Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ 1830 года по 24 Іюля 1863 года за Министерствомъ Императорскаго Двора, и, наконецъ, съ 1863 года за Министерствомъ Государственныхъ имуществъ, что нынѣ Министерство земледѣлія. Это перечисленіе сада изъ одного вѣдомства въ другое, конечно, не могло способствовать правильному органическому росту, каждое вѣдомство считало долгомъ вводить свои реформы. Реформы, конечно, сдѣлались во имя блага и пользы дѣла—а результатъ ихъ былъ таковъ, какими мы его видѣли изъ вышеприведенныхъ описаній.

Далѣе, не менѣе интересны и тѣ лица, которя стояли во главѣ дѣла. Первый директоръ сада [53]) «Сигезбекъ старался опровергнуть высказанныя Линеемъ мнѣнія о полѣ растеній и о построенной на этомъ половой системѣ и это главнымъ образомъ на томъ основаніи, что Богъ среди растительнаго царства никогда не допустилъ такой безнравственности, о которой говорится во вновь изданныхъ работахъ Линнея, и что такая нецѣломудренная система никогда не могла бы быть изложена учащейся молодежи, не оскорбляя ея!»

А когда въ 1855 году былъ въ управляющіе садомъ назначенъ баронъ К. К. Кистеръ, то онъ прежде всего [54]) исхлопоталъ особое Высочайшее повелѣніе, коимъ Императорскому Ботаническому Саду было запрещено пріобрѣсти покупкою дальнѣйшіе гербаріи, а затѣмъ держался [55]) того мнѣнія, что «чисто научныя занятія вовсе не дѣло Императорскаго Сада, что садъ долженъ сосредоточивать всю свою дѣятельность въ практическомъ садоводствѣ и направлять всѣ силы и средства на достиженіе возможно полныхъ результатовъ по этой части, стараясь способы къ сему умножить также торговыми предпріятіями». По иниціативѣ директора Ботаническаго сада уничтожались всѣ ученыя должности при садѣ, при которомъ предполагалось имѣть лишь чиновниковъ-счетоводовъ да садовниковъ практиковъ!

Грустная, тяжелая картина—увы, къ которой мы слишкомъ привыкли и которая наблюдалась чуть ли не во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни. И если Ботаническій садъ не погибъ, а наоборотъ, разцвѣлъ, то это произошло во-первыхъ потому, что для сада были и болѣе свѣтлые періоды, а затѣмъ потому, что при Ботаническомъ садѣ всегда были тѣ самоотверженные работники «чистой науки», которые, не-

смотря на всевозможныя препятствія со стороны практической жизни, дѣйствовали и работали во имя «идеи», всею душею, всѣмъ сердцемъ вѣря въ конечное торжество этой идеи.

Этимъ безкорыстнымъ труженникамъ науки Императорскій Ботаническій садъ и былъ обязанъ тѣмъ, что онъ не сдѣлался огородомъ и оранжереями Министерства двора, а сталъ центромъ ученой дѣятельности и что «прозябословіе» въ немъ процвѣло и стало «чистою ботаникою».

Укажемъ теперь на рядъ деталей, безусловно интересныхъ и тѣсно связанныхъ съ общею исторіею Петрограда.

Еще на самой ранней зарѣ своего существованія, Ботаническій садъ или по тому наименованію «медицинскій» огородъ долженъ былъ заботиться о доставкѣ оранжерейныхъ растеній во дворцы. Производилось этихъ растеній такъ много, что они заполняли всѣ оранжереи и на столбцахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появилось объявленіе подобно нижеслѣдующему [56]):

«Въ оранжереяхъ С.-Петербургскаго Медицинскаго огорода желающимъ покупать Африканскіе, Американскіе и другіе чужестранныя деревья, произращенія, также и разведенные въ томъ огородѣ кустарники, какъ-то барбарисъ, крисберсень, смородиники и имъ подобные, явиться у опредѣленнаго при томъ огородѣ аптекари».

Эти продажи, которыя производились въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, безусловно способствовали распространенію среди населенія столицы нѣкоторыхъ оранжерейныхъ растеній и, можетъ быть, вышеуказанныя оранжереи на Аптекарскомъ островѣ возникли отъ этой распродажи.

Въ теченіе XVIII вѣка главная забота начальства Ботаническаго сада, какъ это ни странно, былъ заборъ.

«Заборъ огорода находится въ такомъ состояніи—писалось въ 1759 году—что болѣе ево починкою исправить невозможно. И для того весьма нужно чтобъ здѣланъ былъ новый. А понеже, ежели ево здѣлать изъ палисадники, онъ можетъ быть спонежь весьма дорого, того ради Медицинской Канцеляріи покорнѣйше представляя, на соблаговолено ль будетъ, чтобъ было сдѣлано изъ барошнихъ досокъ: ибо такой заборъ, ежели поднесъ полопотся два бревна былъ бы столь же долговѣченъ, какъ здѣленной изъ палисадника, а выкрасить ево красною краскою съ наведеніемъ бѣлыхъ каемъ»... [57]).

Въ 1784 году этотъ заборъ опять появляется на сцену, онъ снова сгнилъ, снова ремонтировали и въ 1797 году [58]) опять новый ремонтъ, а въ 1817 году директоръ сада доносилъ [59]), что «мѣстами старый заборъ упалъ, открылись проходы, которыми свободно ходятъ посторонніе люди, портятъ растенія», и эти «вопли» продолжались чуть ли не вплоть до 1867 года [60]), когда по Аптекарской набережной была поставлена желѣзная рѣшетка на чугунныхъ столбахъ. Эта забота о заборѣ, конечно, въ настоящее время можетъ вызвать улыбку, но послѣдняя будетъ несправедлива — огромное мѣсто являлось собственностью и заботами о заборѣ начальство сада заботилось о территоріи сада. И несмотря на такую заботу все же территорія сада значительно уменьшилась (Рис. 3).

Рис. 3. Планъ Ботаническаго Сада.

Съ 1823 по 1826-ой годъ [61]) производилась постройка оранжерей по проекту архитектора Шарлемана на сумму 560.000 р. ас. (около 178.000 р. сер.). Собственно говоря, только съ этого времени можно считать, что у Ботаническаго

сада появились оранжереи. Конечно, оранжереи были и до того времени, но онѣ были слишкомъ примитивнаго устройства, требовали вѣчнаго ремонта и могли служить лишь для узкопрактическихъ цѣлей. Оранжереи Шарлемана были возведены изъ кирпича и составляли три непрерывныя, параллельныя между собою линіи, соединяющіеся по концамъ двумя другими параллельными между собою поперечными линіями. Означенныя оранжереи существуютъ и понынѣ на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же расположеніи, но онѣ уже много разъ перестраивались или вновь были построены, причемъ число ихъ, ширина, высота и внутреннее устройство и система отопленія были измѣняемы.

Главными моментами изъ перестроекъ оранжерей надо признать 1847—48 года, когда архитекторъ К. Тонъ перестроилъ пальмовыя оранжереи [62]), 1853 годъ, когда была впервые построена оранжерея для Victoria regia [63]) и 1896—99 годъ, когда была произведена перестройка указанныхъ оранжерей еще разъ [64]). Считаемъ умѣстнымъ напомнить здѣсь, что, кажется, Victoria regia зацвѣла въ Европѣ въ первый разъ въ Россіи, въ Ригѣ, въ оранжереяхъ Вагнера. Затѣмъ въ 1865—69 годахъ была ликвидирована самая древняя часть нынѣшняго Ботаническаго сада, такъ называемый Аптекарскій огородъ [65]), въ 1868 году начаты работы по приведенію въ порядокъ парка Ботаническаго сада [66]), въ 1885—86 годахъ закончилось устройство набережной р. Карповки [67]). За этотъ же промежутокъ времени существовавшія при Ботаническомъ садѣ учрежденія, какъ, напримѣръ, гербарій, библіотека, расширились и увеличились и быстро стали возникать одно за другимъ другія научныя, необходимыя для сада учрежденія.

Позволяемъ себѣ закончить нашъ очеркъ выдержками изъ статьи Б. А. Федченко, ярко характеризующей значеніе Ботаническаго сада [68]):

«Первое время послѣ своего основанія главнѣйшей и почти единственной задачею Аптекарскій садъ имѣлъ разведеніе лекарственныхъ растеній на открытомъ воздухѣ и, разумѣется, сушку ихъ для использованія какъ лекарственныя средства... со времени преобразованія сада въ Императорскій Ботаническій изслѣдованіе отечественной флоры, притомъ не только съ прикладной точки зрѣнія, но и съ чисто научной было поставлено въ число основныхъ задачъ сада... садъ сыгралъ громадную роль въ дѣлѣ ботанико-географическаго изслѣдованія Азіатской Россіи... въ дѣлѣ составленія ботанико-географическихъ картъ

Россіи... въ сферѣ популяризаціи ботаническихъ знаній—печатными изданіями, свободнымъ доступомъ публики во всѣ учрежденія сада, устройствомъ публичныхъ лекцій и экскурсій, участіемъ въ выставкахъ, распространеніемъ растеній среди публики путемъ продажи, снабженіемъ музеевъ, ботаническихъ садовъ, сельско-хозяйственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній дуплетами».

III.

Аптекарскій островъ единственный изъ такъ называемыхъ въ настоящее время «острововъ» оставался собственностью государства — всѣ остальные острова: Каменный, Петровскій, Крестовскій и Елагинъ побывали и въ частной собственности, такъ какъ Петръ Великій раздавалъ ихъ или членамъ своей семьи или же своимъ приближеннымъ, а одинъ изъ этихъ острововъ—Петровскій, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, даже оставилъ въ свое личное владѣніе, что и явствуетъ изъ названія самаго острова.

Положеніе Петровскаго острова почти прямо противоположное только что описанному Аптекарскому, этотъ послѣдній лежитъ на сѣверъ отъ Петербургскаго острова, нынѣ Петроградской стороны, Петровскій же островъ находится на юго-западъ и омывается водами Малой Невы, Малой Невки и Ждановки. Поверхность острова возвышается надъ ординарнымъ уровнемъ воды отъ 0 до $5^1/_2$ футовъ, т. е. этотъ островъ сильно подверженъ наводненіямъ.

На планахъ прошлаго столѣтія изображеніе Петровскаго острова болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ острововъ Невской дельты разнствуетъ отъ изображенія его на новѣйшихъ планахъ [69]).

На планѣ 1701 года онъ показанъ состоящимъ изъ трехъ острововъ, отдѣленныхъ между собою неширокими протоками, причемъ западная оконечность острова, лежащая къ заливу, показана на планѣ на 24 сажени восточнѣе той же оконечности на планѣ 1777 года и почти на одной высотѣ съ планами 1738 года. Юго-восточная оконечность острова, лежащая къ Большой Невѣ, показана на планѣ 1710 года въ 320 саженяхъ по прямой линіи отъ западной оконечности крѣпостного острова, а на планѣ 1738 года разстояніе это равно 292 саженямъ, наконецъ, на планѣ 1777 года Петровскій островъ показанъ состоящимъ изъ четырехъ частей-острововъ. Если сравнивать эти четыре части острова съ планами 1738 года и 1870 года,

то увидимъ, что очертаніе первыхъ двухъ острововъ отъ залива совершенно сходно съ очертаніемъ таковыхъ же на планѣ 1738 года; послѣдніе же два острова, соотвѣтствующіе третьей части Петровскаго острова плана 1738 года на планѣ 1870 года соотвѣтствуютъ двумъ выступамъ западнаго берега Петровскаго острова. Такимъ образомъ эти острова, какъ и еще два маленькіе плана 1738 года, на востокъ отъ описанныхъ, совершенно слились съ материкомъ Петровскаго острова.

Измѣря площади Петровскаго острова по планамъ 1701, 1738, 1777 и 1864 годовъ, мы найдемъ, что площадь острова увеличилась очень значительно на 45.678 кв. саженъ, что составляетъ почти $^1/_5$ часть площади острова, а окружность острова въ то же время возросла болѣе чѣмъ на версту, на 533 сажени.

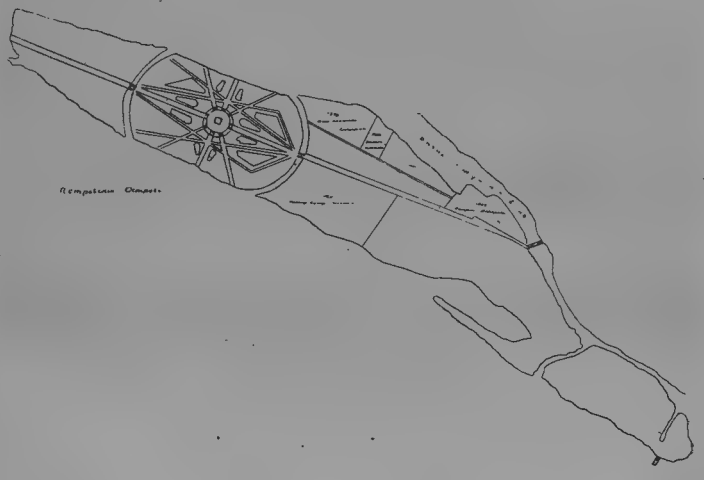

Рис. 4. Планъ Петровскаго острова, конецъ XVIII в.

Конечно, островъ продолжалъ и продолжаетъ расти и въ наши дни.

Отъ XVIII вѣка намъ сохранился воспроизводимый здѣсь планъ Петровскаго острова (Рис. 4). Трудно, конечно, судить, на сколько этотъ планъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и не является ли онъ лишь проектомъ, который никогда и не былъ приведенъ въ дѣйствительность, но, если это не проектъ, то нельзя не признать, что островъ былъ устроенъ красиво:

Двумя полукруглыми каналами изъ общаго-материка Петровскаго острова былъ выдѣленъ какъ бы особый круглый островъ, въ центрѣ котораго находился дворецъ. Этотъ маленькій круглый островъ представлялъ изъ себя разбитый паркъ, съ рядомъ лужеекъ, на которыхъ были выкопаны небольшіе пруды съ посаженной рыбою, главнымъ образомъ стерлядью.

Рис. 5.
Фотографія пожарища „Петровскаго Острова", при которомъ погибъ „Петровскій Дворецъ".

Но если отъ XVIII вѣка мы обратимся къ нашему времени, къ сравнительно недавнымъ днямъ, то картина рѣзко измѣняется, и вмѣсто, пусть даже нѣсколько фантастическаго, плана, который всетаки ясно свидѣтельствовалъ о заботливости, о желаніи что-то сдѣлать красивое, изящное, мы оставляемъ нашимъ потомкамъ картину запустѣнія, картину нашей халатности и небрежности. Воспроизводимый нами снимокъ (Рис. 5) представляетъ собою фотографію пожарища, которое истребило, какимъ-то чудомъ сохранившійся до начала XX вѣка, дворецъ Императрицы Екатерины II, неправильно слывшій подъ именемъ Петровскаго...

Почему Петръ Великій выбралъ для себя изъ всѣхъ остальныхъ острововъ Невской дельты едва ли не самый низкій, самый заливаемый наводненіями Патса-Саари[70]), т. е. Столбовой островъ, большая часть котораго была росша почти исключительно камышемъ—мы не знаемъ. Можно, конечно, допустить, что и въ этомъ случаѣ, предполагая заняться этимъ островомъ, превратить его въ вполнѣ культурный, Петръ Великій думалъ дать еще одинъ лишній примѣръ своимъ подданнымъ, какъ нужно дѣлать и работать, чтобы «Финскія болота» превратились въ «парадизъ». Но, конечно, это наше предположеніе и только. Фактическихъ данныхъ для его подтвержденія мы не нашли. И первое фактическое свѣдѣніе о Петровскомъ островѣ мы находимъ въ журналѣ Петра Великаго — этотъ журналъ соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ камеръ-фурьерскимъ журналамъ — отъ 19 Мая 1708 года[71]), подъ этимъ числомъ записано: «Петръ ночевалъ на Петровскомъ островѣ», далѣе подъ 14 Мая 1714 года значится[72]): «Петръ былъ на Петровскомъ островѣ» и, наконецъ, подъ 20 Ноября 1714 года[73]): «на Петровскомъ островѣ умеръ король Самоятскій».

Вотъ и всѣ фактическія свѣдѣнія, которыя мы имѣли о Петровскомъ островѣ времени Петра Великаго. Ихъ мы можемъ еще дополнить разсказомъ Вебера изъ его записокъ отъ 1714 года и, наконецъ, выпискою изъ доклада перваго петербургскаго оберъ-полицимейстера Девіера отъ 1723 года.

Разсказъ Вебера не длиненъ и мы его приводимъ почти что цѣликомъ[74]): «Прослышалъ я, что на островѣ Петра живутъ самоѣды, я отправился туда мѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями моими. У царя тамъ два увеселительныхъ домика, изъ которыхъ первый находился на самомъ краю берега, состоялъ изъ 6 тѣсныхъ покоевъ ничѣмъ особенно не убранныхъ, кромѣ мебели изъ нѣсколькихъ стульевъ, столовъ и множества павлинныхъ перьевъ. Въ этомъ домикѣ постоянно живутъ 2 русскихъ сторожа. На выстрѣлъ далѣе домъ русскаго смотрителя, а близъ него жилье самоѣдовъ съ небольшою надворною постройкою. Въ этой послѣдней стояло болѣе 20 коровъ... далѣе надворныя строенія въ которыхъ жили 2 крестьянина-финна, надзиравшіе тутъ за коровами и дюжиною павлиновъ... наконецъ, была небольшая рощица изъ дубовыхъ деревьевъ...»

Такимъ образомъ мы видимъ, что Петръ Великій выстроилъ себѣ небольшой домикъ, гдѣ-то на берегу; домикъ этотъ былъ настолько простъ и обыкновененъ, что имъ даже

Веберъ не могъ восхищаться, вообще же Веберъ не упускалъ случая выразить дань восторга всѣмъ начинаніямъ Петра Великаго. Построивъ домикъ, Петръ Великій тотчасъ развелъ небольшую рощу дубовъ—извѣстно, что у Петра Великаго было большое желаніе добиться культуры дуба, какъ въ самомъ Петербургѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, отсюда и дубки подъ Сестрорѣцкомъ. Затѣмъ Петръ Великій развелъ на островѣ павлиновъ и переселилъ изъ тундръ нѣсколько семей самоѣдовъ съ оленями и назначилъ для этихъ самоѣдовъ королемъ какого-то выходца поляка.

Изъ указанія Вебера, что увеселительный домикъ Петра Великаго стоялъ у самаго берега, ясно, что этотъ домикъ не соотвѣтствовалъ позднѣйшему дворцу, извѣстному подъ именемъ Петровскаго и сгорѣвшему въ наши дни. Точно опредѣлить, гдѣ находился этотъ домикъ Петра Великаго, мы лишены возможности.

Въ докладѣ Девіера [75]),—докладъ былъ представленъ вслѣдствіе возбужденія вопроса объ установленіи поземельнаго сбора въ Петербургѣ—мы читаемъ такія строчки: «на Аптекарскомъ, на Каменномъ, на Крестовскомъ, на Мишиномъ, на Петровскомъ островахъ, на Выборгской сторонѣ по Черной рѣчки и за рѣчкою Черною загородные дворцы мѣрою 1.695 погонныхъ саженъ и 141.756 квадратныхъ саженъ, въ томъ числѣ на Петровскомъ острову государыни царицы Прасковіи Ѳеодоровны два дома».

Какъ видимъ, въ 1723 году Петровскій островъ уже не принадлежалъ Петру Великому, онъ былъ въ собственности царицы Прасковіи Ѳеодоровны.

Произошла эта перемѣна вслѣдствіе слѣдующаго довольно курьезнаго обстоятельства: Петръ Великій пожаловалъ Крестовскій островъ одновременно и князю Меншикову и царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ; не желая обижать никого изъ пожалованныхъ, Петръ Великій уступилъ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ лично ему принадлежавшій Петровскій островъ. Безусловно можно утверждать, что вдова брата Петра Великаго царя Іоанна Алексѣевича, царица Прасковья Ѳеодоровна, умершая 13 Октября 1823 года, ничего не построила на Петровскомъ островѣ; затѣмъ въ теченіе 18 лѣтъ по 4 Декабря 1731 года судьба Петровскаго острова совершенно неизвѣстна, а 4 Декабря 1731 года [76]) послѣ давалъ указъ «о пожалованіи царевнѣ Екатерины Іоанновнѣ Петровскаго острова»—такимъ

образомъ Петровскій Островъ перешелъ какъ бы по наслѣдству къ дочери царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Царевна Екатерина Іоанновна вскорѣ умерла и 22 сентября 1733 года[77]) былъ изданъ новый указъ «о принятіи по кончинѣ сестры нашей блаженной памяти царевны Екатерины Іоанновны (указъ былъ данъ императрицею Анною Іоанновною) Петровскаго острова въ дворцовое вѣдѣніе.

Съ этого, приблизительно, времени, хотя Петровскій островъ считался частною собственностью Императорской фамиліи, онъ начинаетъ обслуживать и нужды города Петербурга. Первоначальный его характеръ, данный Петромъ Великимъ,— «увеселительный островъ» смѣняется ролью «служебнаго острова», на немъ начинаютъ возникать «восковой бѣлильный заводъ», «мундирный магазинъ» и «рядъ амбаровъ для складки удобо возгораемыхъ припасовъ».

Первоначально пеньковые амбары, амбары для сала и другихъ «удобо возгораемыхъ» припасовъ помѣщались на Васильевскомъ островѣ по набережной Малой Невки, недалеко отъ Тучкова моста. Но купцы, для которыхъ строился въ это время новый гостиный дворъ—на этомъ мѣстѣ теперь воздвигнуты двѣ громады—зданіе министерства торговли и библіотеки Академіи Наукъ—указывали, что они боятся занимать лавки въ этомъ новомъ гостинномъ дворѣ, такъ какъ близость пеньковыхъ амбаровъ заставляетъ ихъ бояться пожаровъ и появился указъ: «о переносѣ и постройкѣ пенечныхъ амбаровъ на отмеляхъ малой Невы и на Петровскомъ острову, согласно приложенному плану"—указъ датированъ 30 декабря 1738 г.[78]). Этотъ указъ повторился 21 января 1739 года[79]), 21 сентября того же года[80]). Къ постройкѣ же этихъ амбаровъ хотѣли приступить не ранѣе 1741 года, по крайней мѣрѣ 7 апрѣля 1741 года было напечатано такое объявленіе[81]): «на Петровскомъ острову, гдѣ нынѣ имѣется важня для поклажи сала, масла, смолы, дехтю и прочихъ опасныхъ отъ огня товаровъ на первой случай надлежитъ построить 20 анбаровъ, нискихъ, рубленыхъ изъ бревенъ и мшеныхъ: того ради ежели кто оные анбары своимъ или казеннымъ коштомъ строить пожелаетъ, тѣбъ для договору въ государственной Комерцъ-колегіи у архитектора Осипа Треоина немедленно явились». Такимъ образомъ въ 1741 году важня— т. е. большой амбаръ для дегтя, смолы, масла и сала, мундирный магазинъ (какъ будетъ видно ниже) уже существо-

вали на Петровскомъ островѣ и было намѣреніе выстроить пеньковые амбары. Это намѣреніе оставалось таковымъ до 1749 года, когда опять-таки[82]) «симъ объявляется, чтобъ желающіе построить 20 анбаровъ для поклажи пеньки и льна на Петровскомъ острову, при нихъ браковальный анбаръ и важню и къ тому строенію поставить разные припасы и вещи явились въ Комерцъ-колегію». Въ этотъ разъ дѣло повели болѣе серьезно и осенью того же 1749 года опредѣлили мѣсто—ниже амуничныхъ магазиновъ—и цѣну на постройки, а именно за амбаръ ниже 95 руб., за важню ниже 124 руб. 50 к., за браковальню ниже 234 руб. 50 к. и за битье свай подъ эти амбары «менѣе 13 руб. 37 к. за каждое сто деревъ»[83]). Сенатъ нашелъ эти просимыя подрядчиками цѣны «несоразмѣрно высокими» и приказали комерцъ-колегіи назначить новые торги, которые и протянулись до 1754 года[84]), когда, какъ кажется, наконецъ таки были амбары выстроены, по крайней мѣрѣ въ 1764—1765 году эти амбары—въ числѣ 20—ремонтировались[85]). Приблизительно въ это же время были построены на Тучковомъ буянѣ тѣ каменные амбары, которые въ наши дни извѣстны подъ именемъ «дворецъ Бирона» и деревянные пеньковые амбары Петровского острова перестали функціонировать. Къ этому же времени (конечно, приблизительно) сталъ негоденъ по ветхости къ употребленію мундирный или амуничный магазинъ, который былъ учрежденъ на Петровскомъ островѣ съ 1739 года, что видно изъ слѣдующаго документа, датированнаго 7 сентября 1739 г.[86]): «Начатая продажа находящимся въ магазинѣ на Петровскомъ острову близъ церкви Николая Чудотворца не годнымъ мундирнымъ вещамъ будетъ продолжаться на всякой недѣли во вторникъ да въ субботу о чемъ уже многократно хотя и публиковано, только охотниковъ къ тому почти никого не явилось, о чемъ чрезъ сіе еще подтверждается, дабы желающіе оныя негодныя мундирныя вещи купить являлись въ помянутомъ магазинѣ по уреченнымъ днямъ, то есть въ субботу и во вторникъ безъ отлагательства». Такимъ образомъ существовалъ слѣдующій порядокъ—войсковыя части должны были свозить пришедшія въ негодность амуничныя вещи въ магазинъ на Петровскомъ острову, гдѣ ихъ принималъ подъ роспись особый смотритель, сюда же должны были являться и желающіе покупать эти вещи. Такой порядокъ продолжался до первыхъ годовъ царствованія Императрицы Екатерины II,

когда разрѣшили каждой войсковой части продавать негодную амуницію у себя, а деньги записывать въ экономическія суммы. Съ прекращеніемъ существованія на Петровскомъ островѣ казенныхъ амбаровъ было сдѣлано (уже въ началѣ XIX вѣка) нѣсколько попытокъ устроить частные амбары, такъ 3 мая 1801 года [87]) какой-то предприниматель указывалъ, что «поелику полученіе товаровъ, кои отъ Невскаго монастыря въ Кронштадтѣ на судахъ отправлять должно, сопряжено съ великими затрудненіями, то купечество черезъ сіе извѣщается, что для облегченія того, сдѣлано нынѣ у берега Петровскаго острова подлѣ восковой бѣлильни, напротивъ сельдяныхъ амбаровъ, родъ гавани, гдѣ барки съ товарами не токмо безопасно отъ бури и непогодъ стоять и укрѣплены могутъ быть, но и выгруженіе изъ оныхъ на корабли производить быть можетъ съ величайшею удобностью. Желающіе симъ пользоваться могутъ приводить барки туда прямо и являться къ караульному того мѣста».

Такимъ образомъ первоначально было устроено мѣсто для перегрузки товаровъ изъ барокъ въ корабли, затѣмъ предприниматель тутъ же устроилъ «амбаръ съ обширнымъ мѣстомъ для сушенія подмоченныхъ товаровъ» и наконецъ, что-то вродѣ небольшой верфи «для починки и строенія купеческихъ кораблей [88]). Но, кажется, это предпріятіе постигла неудача, охотниковъ пользоваться гаванью и мѣстомъ для сушенія товаровъ не находилось.

Воскъ въ XVIII столѣтіи игралъ громадное значеніе въ обиходѣ, замѣняя современные электричество и газъ и воску шло для царскихъ дворцовъ громадное количество, такъ «про дворцовый расходъ въ нынѣшнемъ 1744 году и впредь про запасъ потребно желтого воску 500 пудовъ» [89]). Уже 10 ноября 1719 года Петромъ Великимъ было издано распоряженіе о переводѣ въ С.-Петербургъ восковыхъ, бѣлильныхъ заводовъ, бывшихъ на Ижорѣ [90]), гдѣ помѣщались эти заводы первое время мы не знаемъ, но въ 1752 году на Петровскомъ островѣ былъ построенъ восковой заводъ деревянный, въ 1777 году его перестроили въ каменный [91]), а въ 1792 году пристроили еще одинъ каменный корпусъ, постройка котораго по смѣтѣ должна была обойтись въ 5135 руб. [92]). Заводъ этотъ функціонировалъ до 5 Декабря 1836 года, когда, наконецъ, была признана его ненужность [93]), въ 1839 и 1840 годахъ нѣкоторыя постройки восковаго завода были приспособлены для

дачи генерала-инженера Готмана, которому была поручена разбивка Петровскаго парка [94]) и наконецъ въ 1847 году заводъ былъ проданъ купцу Полякову, который въ немъ и устроилъ «трактирное заведеніе». Передъ продажею была, конечно, составлена опись построекъ; изъ этой описи мы узнаемъ, что здѣсь былъ двуэтажный каменной домъ на 14½ с. длины, 7 сажень ширины, въ нижнемъ этажѣ было 17, а въ верхнемъ 22 окна, затѣмъ каменный двуэтажный флигель на 10 с. 4 вер. длины и 6 сажень 2 арш. ширины (очевидно, домъ былъ построенъ въ 1777 г., флигель въ 1792 г.), далѣе каменная кладовая, дощатый сарай и сарай изъ кокоръ [95]). Наконецъ, съ 1817 года, часть Петровскаго острова было отдано въ вѣдѣніе Александровской мануфактуры, на этомъ участкѣ существовала устроенная департаментомъ удѣловъ для своей полотнянной фабрики красильня [96]). Когда фабрика закрылась, то красильню передали въ Александровскую мануфактуру, а въ 1830 году сдали ее въ аренду нѣкоему мѣщанину Ульянову за 2500 руб. въ годъ, но «онъ (т. е. мѣщанинъ Ульяновъ) въ томъ же году сдѣлался несостоятеленъ» и, конечно, арендной платы не вносилъ—строеніе красильни пустовало и приходило въ ветхость. Вообще надо замѣтить, что исторія нашихъ казенно-дворцовыхъ учрежденій, подобно вышеупомянутыхъ восковаго завода, полотнянной фабрики, Александровской мануфактуры и рядъ другихъ заслуживаетъ гораздо большаго интереса, чѣмъ на нихъ обращали до сего времени. Пожалуй нигдѣ не было такой вакханаліи кражи, воровства, бросаніе на вѣтеръ денегъ, какъ на этихъ учрежденіяхъ, устраиваемыхъ не только для удовлетворенія нуждъ дворцоваго вѣдомства, но главнымъ образомъ для того, что быть образцомъ другихъ подобныхъ учрежденій, но заводимыхъ частными лицами. Конечно, de facto, эти учрежденія если и могли служить примѣромъ, то только того, какъ нельзя вести дѣло...

Для хозяйственныхъ нуждъ, какъ видимъ, Петровскій островъ не особенно пригодился—все, или почти все, что на немъ не устраивалось, въ концѣ концовъ переставало функціонировать. Но съ Петровскимъ островомъ связана еще одна попытка, представляющая безусловный интересъ для Императорскаго Общества Садоводства.

30 Мая 1801 года состоялся слѣдующій указъ С.-Петербургскому военному губернатору графу Палену [97]): «Внявъ

прошенію Вольно-Экономическаго Общества и желая споспѣшествовать распространенію въ Россіи хозяйственныхъ и земледѣльческихъ познаній, признали Мы за благо для произведенія новыхъ опытовъ въ разныхъ частяхъ его упражненія пожаловать ему мѣсто на Петровскомъ островѣ состоящіе и на планъ при семъ прилагаемомъ буквою А обозначенное съ садомъ и ветхимъ дворцовымъ строеніемъ и вслѣдствіе сего поручаемъ вамъ (т. е. гр. Палену) введя общество сіе въ неотъемлемое онымъ лицомъ владѣніе, снабдить его надлежащею на оное данною».

Такимъ образомъ Вольное Экономическое Общество получило въ «неотъемлемое» (подчеркиваемъ это слово)—владѣніе западную половину острова.—Вольно-Экономическое Общество дѣятельно приступило къ опытамъ и 5 Сентября 1802 года помѣстило въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее свѣдѣніе—какъ тогда говорилось—слѣдующій отчетъ, который мы, въ виду его безспорнаго интереса, приводимъ текстуально [98]):

«Его Императорское Величество, обращая неусыпное вниманіе Свое на всѣ полезные для Государства заведенія, Всемилостивѣйше благоволилъ пожаловать Вольному-Экономическому Обществу, по всеподданѣйшему представленію усерднаго президента сего общества господина Тайнаго Совѣтника и Кавалера Андрея Андреевича Нартова часть Петровскаго острова, для произведенія на оном разныхъ земледѣльческихъ опытовъ. Таковымъ Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ ободренное Экономическое Общество приступило къ обдѣлыванію сей части того острова, отдѣлило одну десятину земли, обросшую крупнымъ всякаго рода хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ, на коей осенью прошлаго 1801 года наемными работниками вырубленъ оной лѣсъ, и мѣсто сіе очищено отъ кореньевъ и пней, причемъ употребляемо было съ немалымъ облегченіемъ орудіе, модель коего хранится въ оном Обществѣ: каковая работа и производилась подъ смотрѣніемъ онаго жь Общества господъ членовъ Генералъ-Лейтенанта и Кавалера Андреевскаго и Надворнаго Совѣтника Рогенбука; оное жь мѣсто перекопано, отъ всѣхъ мелкихъ кореньевъ очищено и разбито въ четыреугольники, на которыя оставшійся мелкой хворостъ созженъ, и употребленъ на удобриваніе сверхъ полученной отъ сего золы еще 15 сотенъ навозу, нѣсколько глины и алебастра и обдѣлавъ сіе мѣсто хозяйственно, посѣяны

вмѣстѣ съ овсомъ, ячменемъ и яровою рожью кормовые травы, еспарцетъ, луцерна, дятловина красная и бѣлая, Phleum pratense или такъ называемая Тимофеева трава, спаржа полевая, сверхъ того разсажено въ парникѣ вырощенное красильное растѣніе Isatis tinctoria или Вайда для синей краски и ворсяныя щетки, употребляемыя на суконныхъ фабрикахъ, масленныя растенія, горчица, ленъ и конопля, дикорастущія въ Сибири грѣчиха, карликъ называемая и всякія огородныя овощныя растенія и душистыя травы, одни безъ хлѣбныхъ растеній. А сколько именно разныхъ растеній въ первый разъ на сей новой землѣ посѣяно и посажено, сему прилагается роспись. Въ прочемъ хотя въ разсужденіе поздной отдѣлки въ нынѣшнюю осень и по причинѣ сдѣлавшейся въ маіѣ мѣсяцѣ сухой погоды, все, что ни посѣяно было, сперва всходило мѣдленно, а наипаче мелкія сѣмена кормовыя и душистыхъ травъ; однако помощію продолжительныхъ дождей все посѣянное и насажденное произростаетъ благоуспѣшно и любопытному хозяину предоставляется доказательство, что правильно разпоряженіе обрабатываніе новой и не весьма хорошей земли съ прибавленіемъ недостающаго незема, и не употребляла чрезмѣрность расходовъ награждаетъ съ избыткомъ труды. Сверхъ того сіе мѣсто обсажено вокругъ рябиною, акаціею и шиповниками, дабы современемъ выростала живая изгорода и по дорожкамъ насажена смородина, которыя всѣ и принялись и въ нынѣшнемъ еще лѣтѣ дали плодъ. Земля по свойству своему хотя и иловатая; но въ примѣсѣ своемъ имѣетъ превосходную часть песку, отъ чего какъ она по новости скорѣе высыхаетъ, то при первомъ всходѣ посѣяннаго, равно какъ и насаженныхъ растеній, надлежало опасаться остановки о произращеніи; но есть великая надежда, что все посѣянное и насажденное въ концѣ осени достигнетъ, можетъ быть желаемой зрѣлости. Сей первой опытъ служитъ доказательствомъ, что кормовыя травы могутъ родиться во всякой землѣ и могутъ-быть разведены около Петербурга съ пользою какъ по умноженію плодородія полей, такъ и къ замѣнѣ почти всеобщаго недостатка навоза, когда только сдѣлано будетъ въ сельскомъ хозяйствѣ распоряженіе, сему заведенію сѣянія кормовыхъ травъ соразмѣрное и свойственное.

РОСПИСАНІЕ.

Что именно въ нынѣшнемъ 1802 году посѣяно и насажено на Петровскомъ острову на новоотдѣленномъ огородномъ мѣстѣ.

1b. При входѣ въ огородъ на правой рукѣ по дорожкѣ.

1. Овесъ и Medicago sativa или медуница, Spergula arvensis или полевая спаржа, Phleum pratense или Тимофеева трава.
2. Яровая рожь и дятловина красная, Trifolium pratense purpureum.
3. Ячмень двустрочной, Hordeum dystichon и дятловина бѣлая.
4. Полба, Triticum spelta и Hedisarum onobrychis, ослянка или петушьи головки.
5. Свекловица, Beta cicla altissima.
6. Картофель Solanum vulgare.
7. Isatis tinctoria. Вейда.
8. Apium graveolens, сельдерей.
9. Brassica Botrytis cauliflora, цвѣтная капуста.
10. Brassica oleracea capitata—кочанная капуста.
11. Brassica laciniata, зеленая и синяя кудрявая капуста.
12. Cucumis sativus, огурцы простые.
13. Cucurbita Pepo, тыква.
14. Cichorium Intybus, цккорій дикой.
15. Phaseolus vulgaris, Турецкіе бобы высокіе и низкіе.
16. Pisum sativum, разной, высокой и низкой горохъ.
17. Три рода Херокейскихъ бобовъ низкихъ
18. Зеленой горохъ высокій
19. Lepidium sativum, кресъ салатъ
20. Картофель Американской

} присланы поздно изъ Англіи и посажены 20 іюня.

21. Sinapis brassicata alba, горчица бѣлая.
22. Poterium sanguisorba, синеголовникъ.
23. Scandex cerefolium, кервель.
24. Portulaca oleracea, кортулакъ.
25. Lactuca sativa, салатъ кочанной.
26. Beta hortensis rubra, свекла красная.
27. Daucus carotta, морковь.
28. Apium petroselinum, петрушка.
29. Cucumis hollandicus, голландскіе огурцы.
30. Tragopogon porrifolium, козелецъ.
31. Spinacea oleraeca, шпинатъ.
32. Allium schoenoprasum, каменной лугъ.
33. Mentha crispa, мято-душистая.
34. Menta pipereta, мято-перичная.
35. Satureia hortentis, чебръ.
36. Hyssopus officinalis, исокъ.
37. Salvia officinalis, шелфей.
38. Melissa officinalis, мелиа-цитронной.
39. Anethum graveolens, укропъ.
40. Маіоранъ.
41. Ervum lens, чечевица.
42. Nasturcium indicum, кресъ натурція.
43. Fragaria Hispanica, клубника.
44. Рѣдька разная.
45. Карликъ или въ Сибири дикорастущая гречиха, Polygonum tataricum.

2. При входѣ на островъ по лѣвую руку.

46. Hordeum nudum, голой ячмень, Hedysarum onobrychis, ослянка или петушьи головки.
47. Spergula arvensis, полевая спаржа одна.
48. Phleum pratense, тимофѣева трава.
49. Nigella, чернуха.
50. Avena elatior, высокій овесъ.
51. Hedysarum onobrychis или ослянка одна.
52. Trifolium pratense album, дятловина бѣлая.
53. Trifolium pratense purpureum, дятловина красная.
54. Brassica Rapa, рѣпа аглинская мурнипсъ.
55. Рѣзуха, Myagrum.
56. Cannabis sativa, конопли.
57. Dipsacus fullonum, ворсяныя щетки.
58. Pastinaca sativa, пастернакъ.
59. Разные цвѣты, подсолнечники, резеда, левкои лѣтнія, петушьи гребешки, ноготки, лили и т. п. до 20 разныхъ родовъ.

Вокругъ сей огородъ обсаженъ рябиною, акаціею, шиповникомъ, малиною и всѣ деревцы принялись и рябина съ плодомъ“.

Изъ этого перваго отчета видно, что общество взялось за дѣло очень энергично, точно такое же впечатлѣніе выносимъ и изъ отчета за 1803 годъ, оказывается, что въ этотъ годъ надъ опытнымъ огородомъ имѣли надзираніе члены общества генералъ-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Андреевскій и надворный совѣтникъ Кузьма Ивановичъ Дараганъ. Опытный огородъ былъ увеличенъ и раздѣленъ на 11 отдѣленій, которыя и были засажены слѣдующими растеніями:

Въ	1-омъ	отдѣленіи . . .	34 сортами сѣмянъ огородныхъ растеній.
Во	2-омъ	„ . . .	27 сортами салатовъ.
Въ	3-емъ	„ . . .	23 сорта сѣмянъ капусты и брюквы.
Въ	4-омъ	„ . . .	9 сортовъ моркови и петрушки.
Въ	5-омъ	„ . . .	5 сортовъ редиса и редьки.
Въ	6-омъ	„ . . .	9 сортовъ рѣпы.
Въ	7-омъ	„ . . .	7 сортовъ огурцовъ и артишокъ.
Въ	8-омъ	„ . . .	8 сортовъ лука.
Въ	9-омъ	„ . . .	16 сортовъ гороха.
Въ	10-омъ	„ . . .	16 сортовъ бобовъ.
Въ	11-омъ	„ . .	9 сортовъ кормовыхъ травъ. 6 сортовъ масляничныхъ растеній. 11 сортовъ зерновыхъ растеній. 1 сортъ хлопчатой бумаги. 3 сорта картофеля.

Были выстроены уже сравнительно значительныя оранжереи, въ которыхъ «родились отмѣнно хорошо» дыни разныхъ сортовъ и арбузы, а въ разводимый садъ насажено до 100 кустовъ орѣшника, который весь принялся. Точно также принялись лиственница, пихта и кедръ сибирскій, но ломбардскіе орѣхи и шелковичныя деревья погибли. О лиственницѣ въ то время были большія заботы и мы думаемъ, что современному читателю—особливо садоводу—будетъ не безынтересно прочитать нижеслѣдующее воззваніе Вольно-Экономическаго Общества о лиственницѣ [100]):

«Императорское Вольное Экономическое Общество, получивъ сѣмяна полезнаго дерева *листвяницы* (курсивъ подлинника), и желая къ разпространенію пользы отечества испытать разведеніе онаго въ окрестностяхъ столичнаго города Санктпетербурга, приглашаетъ почтенныхъ господъ, имѣющихъ дачи въ окрестностяхъ сего города, приступить къ таковымъ благонамѣреннымъ опытамъ, къ чему желающіе могутъ получить безденежно и сѣмяна въ домѣ сего общества отъ надзирателя Миллера. Экономическое Общество усердно проситъ особъ, кои получатъ сіи сѣмяна, извѣстить въ свое время объ успѣхахъ своихъ опытовъ, въ наставленіе же къ производству оныхъ прилагается при семъ нижеслѣдующая *Выписка о свойствѣ и способѣ разведенія листвяницы* (курсивъ подлинника): Листвяница (Pinus Larix) древо довольно высокое и прямое, имѣющее кору толстую, темно-красную, снизу изтрескавшуюся, а тѣло всегда темно-красное и весьма смолкое. Сучья выходятъ изъ ствола непорядочно и висятъ одни надъ другими къ землѣ наклоненно. Иглы на сучьяхъ сидятъ пучками по двѣнадцати и болѣе вмѣстѣ, собою мягкія, къ концу заостренныя и спадаютъ каждую осень. Плодъ ихъ составляютъ шишки красно-феолетовыя, кругло продолговатыя, кои торчатъ вверхъ и состоятъ изъ шероховатыхъ чешуекъ, внутри по два крылатыхъ сѣмячка заключающихъ.—Дерево довольно прочное въ землѣ, водѣ и воздухѣ и по великой своей смолкости не столько легко повреждается отъ червей. Большіе стволы употребляются на корабельное строеніе и мачты при корабельномъ строеніи и Женевцы предпочитаютъ его всякому другому дереву. Переклады (т. е. стропила), какъ-то новѣйшіе опыты показываютъ, въ десятеро больше поднимаютъ тяжесть, нежели дубовые, сверхъ сего употребляется на столбы, мельничныя колеса, водяныя трубы. Въ водѣ живетъ долѣе, чѣмъ на свободномъ

воздухѣ и, по объявленію господина Гмелина, получаетъ въ ней почти каменную крѣпость, почему она знатное имѣетъ преимущество при солокопномъ, рудокопномъ и мѣльничномъ строеніи, только при выкладываніи шахтовъ и штолнъ должно съ нея шкуру сдирать.—Въ Сибири и Швейцаріи дѣлаютъ изъ нея пивныя и винныя бочки; также можно изъ дерева вытесывать доски и употреблять на столярную работу, есть-ли стволы не смолисты, также съ пользою ее употребляютъ на прочную дрань. Уголья ея тяжелѣе и сильнѣйшій даютъ огонь, нежели еловые и сосновые; а дрова очень сильно нагрѣваютъ.

Изъ лиственичной смолы, чрезъ насѣканіе стволовъ, добывается настоящій венеціанскій терпентинъ; смола сама собою выступающая, называется Bijon.

Сіи древа, когда въ нихъ наиболѣе соку бываетъ, производятъ бѣлыя, мелкія, дающія такъ называемую бріансонскую манну. Сверхъ сихъ смольныхъ соковъ, находящихся особливо въ верхнихъ древесныхъ кругахъ, старое дерево содержитъ во внутренности своей камедь подобную арабской и въ Россіи извѣстную подъ именемъ Оренбургской камеди.

У насъ въ Россіи лиственница растетъ въ Сибири и въ сѣверной части Европейской Россіи, больше по мѣстамъ нагорнымъ и многою травою поросшимъ на равнинахъ же и низменностяхъ рѣдко; гдѣ и достигаетъ въ вышину сажень до двадцати; земля подъ ней потребна съ хрящемъ смѣшанная. Есть однако мѣста, въ которыхъ видимые великія лиственницы по низменностямъ даже въ сырыхъ мѣстахъ. Саженіе сѣмянъ ея можно производить весною и осенью, на особливыхъ грядкахъ, не глубже вершка, въ разстояніи между собою на четверть аршина. Взошедшія растѣнія, требуютъ опалаванія отъ травъ и чрезъ два года пересадки осенью или весною, не какъ прочія иглистыя деревья (хотя Линней и полагаетъ оную въ породѣ сосенъ и растѣнія въ половину разлученною между собою пола), кои слѣдуетъ сажать, когда онѣ роняютъ листы, то есть; въ Іюнѣ мѣсяцѣ, ибо лиственица роняетъ листы осенью къ зимѣ».

Пропогапдируя такимъ образомъ культуру лиственницы, Вольное Экономическое Общество само показывало примѣръ, сажая лиственницу въ большомъ количествѣ на Петровскомъ островѣ.

Кромѣ культуры различныхъ растеній, общество дѣлало большіе опыты и удобренія почвы, причемъ испытывались

разные туки, производились испытанія различныхъ земледѣльческихъ орудій, присылаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ, словомъ, общество стремилось къ тому, чтобы его опыты «служили только для доставленія живыхъ примѣровъ растеній, недовольно извѣстныхъ и къ показанію потребнаго за ними ухода» [101]).

Конечно, мы можемъ отмѣтить, что среди этихъ опытовъ былъ рядъ такихъ, которые представляютъ яркую характеристику, болѣе чѣмъ столѣтіемъ отдаленной отъ насъ эпохи. Нашимъ предкамъ очень хотѣлось добиться культуры какихъ-либо особенныхъ заморскихъ растеній, хотя à priori можно было утверждать, что опыты въ этомъ отношеніи будутъ безплодны—и сажали и «шелковицу» и «кунжутъ» и «хлопокъ» и т. д. Радость,—когда, напримѣръ, членъ общества Дараганъ, культивируя «вайдю», добылъ синюю краску, сходную съ американскимъ индиго, но не изъ листьевъ, какъ обыкновенно, а изъ шелухи, заключающей въ себѣ зерно и красилъ ею разныя матеріи въ присутствіи многихъ членовъ общества—была черезмѣрная, этимъ опытамъ приписывалось громадное значеніе, хотя, конечно, въ результатѣ, эти опыты представляли только игру, забаву, не могущую принести практическіе результаты. Но таковъ былъ духъ времени, тогда именно стремились сѣять пшеницу на Камчаткѣ, чтобы пріучить камчадаловъ къ хлѣбу, вмѣсто обычной ихъ пищи—сушеной рыбы, доказывали возможность взращенія винограда подъ Петербургомъ безъ помощи теплицъ и рядъ другихъ такихъ же маниловскихъ благоглупостей. Отъ этого признака времени не могло избавиться и Вольное Экономическое Общество въ своихъ опытахъ на Петровскомъ островѣ, но необходимо указать, что эти опыты были исключеніемъ, большинство опытовъ принесло безусловную пользу. Испытавъ какое-либо растеніе въ рядѣ опытовъ и, убѣдившись въ несомнѣнной его пользѣ, Общество выписывало сѣмена этого растенія въ большомъ количествѣ и производило продажу ихъ на Петровскомъ островѣ. Такъ 6 Іюня 1824 года [102]) «Императорское Вольное Экономическое Общество симъ объявляло, что оно во уваженіе изъявленнаго желанія многими г.г. помѣщиками имѣть по примѣру прошедшаго года для посѣва сѣмена, такъ называемой Вазской ржи, разводимой въ Финляндіи близъ города Вазы и зная превосходство сѣмянъ сихъ по высокому росту, большимъ колосьямъ и обильному отъ нихъ урожаю, вновь выписано чрезъ

посредство тамошняго г. генералъ губернатора 200 мѣшковъ или около 175 четвертей лучшей сѣменной Вазской ржи, въ мѣшкахъ запечатанной и засвидѣтельствованной въ точности тамошнимъ начальствомъ, которая рожь и находится нынѣ на Петровскомъ острову, въ домѣ принадлежащемъ Экономическому Обществу. Желающіе имѣть сію сименную рожь, благоволятъ явиться или присылать къ члену общества г-ну маіору Ѳедору Ивановичу Китаеву, по распоряженію коего и можно получать оную въ мѣшкахъ, запечатанныхъ, содержащихъ въ себѣ до 7 четвериковъ, каждый мѣшокъ въ 30 рублей».

При своихъ опытахъ обществу приходилось вести постоянную борьбу съ наводненіями[103]): въ 1801, 1802, 1803 годахъ вода неоднократно покрывала весь островъ и всякій разъ сносило мосты, смывая гряды, заносило ихъ пескомъ и щепами и подмывая посаженныя деревья; въ 1820, 1821 и 1822 годахъ въ Январѣ 1822 года наводненія также причиняли много бѣдъ, пока наконецъ 7 Ноября 1824 года не были разрушены до основанія жилой домъ, оранжерея, фруктовый сарай, парники, не были вырваны съ корнями садовыя деревья и кусты и весь островъ покрытъ иломъ и сучьями изломанныхъ деревъ—приходилось не только исправлять, но начинать все сначала. А денегъ у общества не было, нужно было прежде всего отыскать средства. Въ поискахъ этихъ средствъ (объ этомъ рѣчь будетъ ниже) прошло около 10 лѣтъ, пока 8 Октября 1836 года не былъ опубликованъ слѣдующій рескриптъ на имя президента общества графа Мордвинова:

«Графъ Николай Семеновичъ! указомъ на имя бывшаго С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа фондер-Паленъ, 30 Мая 1801 года, по прошенію Вольнаго Экономическаго Общества, для споспѣшествованія и земледѣльческихъ познаній, пожаловано было оному Обществу, для произведенія новыхъ опытовъ въ разныхъ частяхъ его управленій, мѣсто на Петровскомъ острову съ садомъ и дворцовымъ строеніемъ. Въ продолженіе 35 лѣтъ, какъ Общество имѣетъ мѣсто сіе въ своемъ владѣніи, оно не произвело никакихъ опытовъ, никакихъ хозяйственныхъ завоеваній. Удостовѣрясь въ семъ лично при обозрѣніи острова и усмотрѣвъ изъ подлинныхъ отчетовъ Общества, что оно не извлекаетъ отъ Петровскаго острова другой пользы, кромѣ дохода за дачи, частными лицами выстроенныя, въ шесть тысячъ рублей, повелѣваю мѣсто Вольному Экономическому Обществу отданное, какъ древніе

съ Петровскимъ островомъ достояніе Императорской фамиліи передать въ вѣдомство кабинета, отъ коего Обществу будетъ отпускаемо ежегодно по шести тысячъ рублей, въ замѣнъ съхода, который оно получало».

Трудно найти другой, подобный этому, документъ, въ которомъ бы такъ рѣзко относились (даже въ ту пору) къ большому, заслужившему всеобщее уваженіе, общественному учрежденію. Къ сожалѣнію, въ разсмотрѣнныхъ нами дѣлахъ, нѣтъ и намека на ту интригу, слѣдствіемъ которой было появленіе рескрипта, который, по справедливости, могъ быть названъ обвинительнымъ актомъ. Но гр. Н. С. Мордвиновъ считался либераломъ, сдѣлать которому непріятность для извѣстныхъ круговъ было очень желательно и Вольно Экономическое Общество было выбрано средствомъ. Можно надѣется, что когда Вольно-Экономическое Общество предприметъ изданіе своей исторіи, взамѣнъ уже устарѣвшаго и далеко не полнаго очерка А. И. Ходнева, исторія съ Петровскимъ островомъ будетъ выяснена. Мы, съ своей стороны, даемъ лишь нѣкоторыя детали.

Въ рескриптѣ говорилось—что «Общество въ продолженіе 35 лѣтъ не произвело никакихъ опытовъ, никакихъ хозяйственныхъ заведеній»—вышеизложенное ярко убѣждаетъ въ несправедливости этого утвержденія, дѣятельность общества была, наоборотъ, значительная; далѣе въ рескриптѣ подчеркивалось, что общество только сдавало землю подъ дачи и получало доходъ въ 6 т. руб. Чтобы избѣгнуть обвиненій въ убыткахъ, причиненныхъ обществу, отнятіемъ у него Петровскаго острова, отданнаго «въ неотъемлемое владѣніе» (слова рескрипта 1807 года), ему гарантировали эти 6 т. руб. Формально, какъ будто убытка и не было, но, выяснивъ вопросъ о дачахъ, мы увидимъ, что общество потерпѣло большой матеріальной убытокъ.

Первое свѣдѣніе о дачахъ Петровскаго острова мы имѣемъ за 1791 годъ [104]), когда продавалась на Петровскомъ острову дача или, какъ тогда писалось, «загородный дворъ съ хорошимъ строеніемъ. Домъ на 6 квадратныхъ сажень, въ 2 этажа, на каменномъ фундаментѣ со службами, какъ-то, банею, кухнею, погребомъ, людскою, сараемъ, конюшнею, холостою избою, съ заборомъ, также съ земляным валомъ, лѣсомъ, сѣнными покосами и 5 прудами».

Какъ видимъ, постройка и очень значительная и очень фундаментальная: участокъ былъ окруженъ даже валомъ въ

недосторожность отъ наводненія. Къ сожалѣнію изъ этого объявленія нельзя опредѣлить ни мѣстоположеніе этой дачи, ни имя ея владѣльца.

Затѣмъ 11 Октября 1798 года [105]), т. е. Императоромъ Павломъ I было пожаловано мѣсто на Петровскомъ острову пастору Лампе между дворцомъ и восковымъ заводомъ, пасторъ Лампе владѣлъ своею долею не долго и продалъ ее въ 1800 году купцу Я. Ф. Готу за 6400 руб., проданный участокъ ровнялся 21.376 квадрат. сажень, т. е. представлялъ собою площадь почти въ 5 десятинъ и шелъ по берегу Малой Невы между нынѣшними Тополевой и Ольховой улицами [106]). Такимъ образомъ иниціатива въ раздачѣ мѣстъ на Петровскомъ островѣ подъ дачи принадлежала Императору Павлу Петровичу.

Въ 1803 году мы сталкиваемся съ еще однимъ дачнымъ участкомъ, опять-таки неизвѣстнаго намъ владѣльца, участокъ «мѣрной земли около 12 десятинъ съ лѣсомъ, лугами, садами, огородами и разными строеніями какъ-то домами, службами и оранжереями» [107]), наконецъ въ 1807 году появляется дача Макарова, «въ которой домъ съ принадлежащими службами, пруды съ рыбой, разныя оранжереи съ фруктовыми деревьями, огородами и сѣнокосомъ» [108]).

Наводненіе 1824 года наконецъ-таки убѣдило Вольно-Экономическое Общество [109]), что, «при естественномъ положеніи части Петровскаго острова, Высочайше пожалованной во владѣніе Общества, низменный песчаный грунтъ и частое покрытіе его прибылою водою представляютъ для учрежденія всякаго образцоваго земледѣльческаго хутора большія затрудненія, преодолѣть которыя можно лишь обладая значительнымъ капиталомъ». И общество рискнуло построить на части своего участка десять отдѣльныхъ домиковъ для сдачи ихъ въ наймы на лѣто. Въ первый же годъ послѣ постройки ихъ общество получило 3950 руб. дохода. Удачный опытъ былъ продолженъ съ видоизмѣненіемъ — общество стало сдавать участки подъ строеніе на 22 года въ аренду, причемъ арендаторы, кромѣ первыхъ двухъ лѣтъ, платили по 300 руб., а по окончаніи арендnаго срока всѣ постройки должны были поступить въ собственность общества.

Съ этого времени значительная часть Петровскаго острова совершенно измѣнила свой видъ. Дикія отъ множества рытвины и зловонныхъ прудовъ непроходимыя мѣста обратились

въ рощи и сады, открытые для гуляющихъ; берегъ Малой Невки или Петровки, безпрерывно подмываемый водою, былъ укрѣпленъ хорошею набережною и площадь острова увеличилась болѣе, чѣмъ на 6 т. кв. сажень и вся отдѣльная часть была возвышена до 3 аршинъ. Арендаторы строили не карточные домики, а фундаментальныя постройки, что видно изъ описанія дачи хотя бы тайн. сов. Корнѣева. Онъ указывалъ 10 Сентября 1836 года [110]), что имъ построена большая дача на берегу Невки о 2 этажахъ съ мезониномъ, на каменныхъ столбахъ, изъ 19 чистыхъ комнатъ, кухни, 3 людскихъ, конюшни о 8 стойлахъ, 2 сараевъ, подвала для вина, ледника, кладовой, 4 дачи о 2-хъ этажахъ на сваяхъ, каждая изъ 7 комнатъ, людской, кухни, конюшни, сарая и ледника; затѣмъ сдѣлана набережная, пристань на Невкѣ, выкопанъ прудъ, насажены деревья и кусты, сдѣланы битыя дорожки, устроенъ огородъ съ парниками—общій расходъ по устройству выразился до 65 т. руб., а оцѣнка для страховой преміи сдѣлана въ 38.800 рублей. Въ подобныхъ же размѣрахъ были построены и другія дачи. Всѣ эти постройки къ началу 50-хъ годовъ должны были сдѣлаться собственностью общества, которое такимъ образомъ стало бы обладать большою недвижимостью, не принимая даже во вниманіе прогрессивно увеличивающуюся цѣну на землю. Когда у Вольнаго Экономическаго Общества отняли его владѣніе, умышленно обошли молчаніемъ это обстоятельство, т. е. будущій переходъ дачъ въ собственность Общества, и рѣшили только выдавать ежегодно пособіе въ 6 т. руб. Дачи же сдѣлались собственностью владѣльцевъ и стали переходить изъ рукъ въ руки, причемъ часть дачъ обращалась въ фабричныя и заводскія предпріятія, такъ возникъ канатный заводъ Гота, на которомъ въ 1841 году былъ значительный пожаръ [111]), химическій заводъ, который въ 1840 году [112]) сдавался въ аренду помощью такого любопытнаго объявленія: «не угодно ли кому взять на содержаніе химическій заводъ на Петровскомъ островѣ (двѣ камеры, особая реторная, купоросное, винокаменной соли и кроноельбное заведеніе съ сушильнею) и пространную дачу со всѣми удобствами».

Императорское Вольно-Экономическое Общество лишено было своего «неотъемлемаго» владѣнія и Петровскій островъ, какъ древнее достояніе Императорской фамиліи было передано въ вѣдомство кабинета».

Когда министерство двора принимало островъ отъ Вольно-Экономическаго Общества, то при составленіи описи была затребована отъ Общества старая опись, составленная при сдачѣ острова Обществу. Эта опись была отыскана и она сохранилась въ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Министерства. Благодаря отысканію этой описи возможно отвѣтить на тотъ вопросъ, который пришлось мнѣ самому оставить безъ отвѣта въ напечатанной мною исторической справкѣ о Петровскомъ дворцѣ по случаю его пожара: Въ указанной справкѣ я писалъ [113]): «Безспорно, что при Петрѣ Великомъ были какія-то постройки на Петровскомъ островѣ, безспорно, что Екатерина II построила для себя небольшой дворецъ, на который скоро перестали обращать вниманіе и *чуть ли не который,* подъ видомъ ветхаго дворцоваго строенія, былъ переданъ въ вѣдѣніе Вольно-Экономическаго Общества, тратившаго на его ремонтъ и содержаніе значительныя суммы. Окончательное разъясненіе вопроса, когда же такъ называемый Петровскій дворецъ принялъ тотъ видъ, который онъ имѣлъ до пожара, надо искать о свѣдѣніяхъ послѣ 1841 года, когда Петровскій островъ былъ переданъ цесаревичу, впослѣдствіи Императору Александру II. Можетъ быть, цесаревичъ, получилъ островъ въ свое вѣдѣніе и обратилъ вниманіе на ветхое дворцовое строеніе».

Оказывается (изъ указанной мною описи) Императорское Вольно-Экономическое Общество приняло дворецъ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до пожара, и такимъ образомъ въ этотъ пожаръ погибъ дворецъ, построенный при Екатеринѣ II, исчезла одна изъ немногочисленныхъ, какъ указываетъ г. Курбатовъ, построекъ архитектора Ринальди.

Въ описи 1802 года и повторенной въ 1836 году читаемъ [114]): «домъ о 2 этажахъ изъ коихъ нижній каменный, оштукатуренный, а верхній рубленной изъ бревенъ и обшитъ досками. Въ немъ покоевъ: въ нижнемъ 6, а въ верхнемъ 10 и 3 малыхъ, коридоръ. Лѣстница одна, наружная каменная о 2 ходахъ и 36 ступеняхъ, другая внутренная, деревянная о 42 ступеняхъ. Весь домъ покрытъ листовымъ желѣзомъ, а кругомъ всего дома сдѣланъ земляной порапетъ, покрытый лещіодною плипою и дерномъ, вышиною около 1 аршина для задержанія отъ затопленія покоевъ частыми разливами приблой воды. Круглое зало: двойной свѣтъ, дверей съ полукруглымъ верхомъ на лѣстницу 3, на верху маленькихъ круглыхъ окошекъ 8»...

Эта опись вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ дворца передъ пожаромъ. Такимъ образомъ дворецъ, который сгорѣлъ вслѣдствіе нашей небрежности и неосмотрительности; былъ построенъ при Императрицѣ Екатеринѣ II приблизительно въ 1766—1768 годахъ. Объ этой постройкѣ сохранилось немного свѣдѣній. Постройкой этого дворца—въ самомъ началѣ своего царствованія—Императрица Екатерина II преслѣдовала до извѣстной степени политическую цѣль: вѣдь великая Семирамида Сѣвера всегда стремилась и подражать и продолжать дѣяніе великаго Петра. Петровскій островъ былъ личнымъ владѣніемъ Петра Великаго—этого обстоятельства достаточно было для того, чтобы Екатерина II велѣла построить дворецъ, заставивъ вспомнить Петра Великаго. «6 Іюня 1766 года, записано въ камеръ фурьерскомъ журналѣ [115]) (цитируемъ по Петрову) государыня на шлюпкахъ предпринимала поѣздку по Невѣ и малою Невкою мимо биржи на Петровскій островъ, а тамъ къ ново-строющемуся своему небольшому каменному домику, занявшись, по осмотрѣ постройки, рыбною ловлею въ прудахъ (конечно съ напускною рыбою); пойманная большая стерлядь была приготовлена къ ужину». Дворецъ строился не очень поспѣшно и только черезъ два года «6 Февраля 1768 года отпраздновано было обѣдомъ и баломъ открытіе новаго дворца на Петровскомъ острову, выстроеннаго подъ наблюденіемъ графа Захара Григорьевича Чернышева» [116]).

Дворецъ строился на деньги, выдаваемыя изъ кабинетныхъ суммъ по личному приказанію Императрицы. Изъ сохранившихся въ архивѣ министерства двора книгъ Высочайшихъ повелѣній видно, что графу Чернышеву было передано 13.300 руб. [117]) на постройку этого дворца.

Послѣ того какъ дворецъ и островъ были отняты отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества они были переданы указомъ отъ 16 Апрѣля 1841 года [118]) въ собственность цесаревича Александра Николаевича.

Послѣ того какъ островъ перешелъ въ собственность Кабинета, владѣльцы уже многочисленныхъ дачъ пережили очень тревожное время. Кабинетъ пересталъ принимать отъ нихъ арендныя деньги и такимъ образомъ владѣльцы дачъ не знали, будутъ ли признаны дѣйствительными тѣ контракты, которые были заключены съ обществомъ. Обсужденіе этого вопроса продолжалось около года и, наконецъ, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу владѣльцевъ дачъ. Тогда же рѣшилась и судьба

восковаго завода и заведеній Александровской мануфактуры. На мѣстѣ этихъ учрежденій рѣшено было разбить паркъ, это разбивка была поручена генералъ-инженеру Готлину, который и приступилъ къ этому дѣлу 17 Іюня 1837 года[119]). Паркъ этотъ былъ открытъ для общаго пользованія и этимъ обстоятельствомъ воспользовались содержатели трактирныхъ заведеній. На Петровскомъ островѣ возникъ трактиръ «Любекъ», прославившійся особенно въ 1846 году. Содержатели «гостиницы на Петровскомъ острову, читаемъ мы въ газетахъ того времени[120]), по рѣкѣ Ждановкѣ у самого моста, ведущаго изъ Колтовской, въ домѣ Звѣркова симъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что по случаю окончанія 3-хъ столѣтій сего 18 Февраля, въ понедѣльникъ нѣмецкой масляницы, по кончинѣ Мартина Лютера, приготовлены будутъ по порціямъ: пастетъ съ гусиной печенкой изъ гуся, такъ называемаго шварцъ-зауръ и гуси жаренные съ разными начинками, какъ-то съ шенкованной капустою, яблоками, крупою, картофелемъ и лукомъ, кто ихъ потребуетъ и прочія кушанья и напитки, а въ особенности отмѣнныя вафли съ ванилью, въ вечеру въ саду ледяныя горы для катанія освѣщены будутъ фонарями. Содержатель покорнѣйше проситъ почтенную публику удостоить его своимъ посѣщеніемъ».

Содержатель трактира слышалъ, что 18 февраля 1846 г.— трехсотлѣтній юбилей Лютера, но онъ не сообразилъ, что 18 февраля по новому стилю и увидавъ, что 18 февраля по старому стилю выпадало на нѣмецкую масляницу, рѣшилъ воспользоваться такимъ подходящимъ случаемъ для «завлеченія къ себѣ гостей» и на первой недѣлѣ великаго поста»...

III.

Третій изъ описываемыхъ мною въ настоящее время Петроградскихъ острововъ Крестовскій. Почему онъ получилъ такое названіе трудно сказать, затруднился дать объясненіе этому названію и первый историкъ Петербурга—современнаго Петрограда—Богдановъ, по крайней мѣрѣ въ своей исторіи онъ писалъ: «Островъ, называемый Крестовскій, лежащій подлѣ Каменнаго позади Петербургскаго, величиною нарочито пространный. Сей островъ почему имя свое воспріялъ званія Крестовскій, того неизвѣстно, уповательно было на немъ водруженъ кѣмъ-либо отъ первоприбывшихъ Россіянъ крестъ, полагаемый обыкновенно въ новыхъ островахъ и потому и названъ Крестовскимъ или Крестовымъ...»

Наиболѣе высокая часть острововъ та, у которой находится деревянный мостикъ черезъ Крестовку на Каменный островъ,—на этомъ мѣстѣ въ 1702 году стояла рыбачья чухонская хижина [121]), по всей вѣроятности она была уничтожена при завоеваніи дельты Невы русскими. Крестовскій островъ былъ пожалованъ Петромъ Великимъ своей любимой сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ, которая выстроила здѣсь лѣтній домикъ—судя по плану Мейера—тамъ, гдѣ теперь помѣщается Петровскій яхтъ-клубъ, направо отъ моста съ Петроградской стороны. 11 Сентября 1715 года—читаемъ въ Журналѣ[122])—Петръ былъ на Крестовскомъ островѣ у царевны Наталіи. Кому принадлежалъ островъ послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, что было на этомъ островѣ—мы пока за неимѣніемъ данныхъ сказать не можемъ и нѣкоторыя свѣдѣнія начинаютъ появляться съ 1731 года, когда—4 Декабря [123])—островъ этотъ былъ пожалованъ гр. Миниху. Первымъ дѣломъ новаго владѣльца было дать этому острову новое названіе: приказано было звать островъ Христофоровъ или Христофоровскій, по имени владѣльца. Едва ли это названіе привилось, островъ по прежнему звали Крестовскимъ, но въ бумагахъ писали Христофоровъ.

Графъ Минихъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ новой государыни Анны Іоанновны, считаясь во время ея отсутствія въ Москвѣ управителемъ сѣверной столицы, старался захватить какъ можно больше земельныхъ участковъ въ С.-Петербургѣ, но понятно, что онъ не могъ обращать большого вниманія на свои владѣнія. И за 10-лѣтнее владѣніе Крестовскимъ или Христофоровымъ островомъ гр. Минихъ сдѣлалъ на немъ немного, что ясно видно изъ нижеслѣдующаго объявленія, напечатаннаго 15 Мая 1741 года:

«На Христофорскомъ острову въ малой Невкѣ отдается въ наймы прудъ съ рыбою, 29 сажень въ длину, а 25 сажень въ ширину, довольной глубины, съ новымъ строеніемъ подъ кабакъ на нѣсколько лѣтъ, а кто оный прудъ съ новымъ строеніемъ подъ кабакъ въ годы нанять желаетъ. тѣбъ являлись къ обрѣтающимся въ домъ его Высокографскаго Сіятельства господина Фельдмаршала графа фонъ Миниха на Васильевскомъ острову гофмейстеру Эриху, не упуская времени» [124]).

Графъ фонъ Минихъ, такимъ образомъ, вырылъ рыбный прудъ и построилъ «новое строеніе» подъ кабакъ.—Кабакъ,

такимъ образомъ, существовалъ на Крестовскомъ островѣ съиздавна.

Въ 1743 году 7 Октября Крестовскій островъ былъ пожалованъ новой царицею Елисаветою Петровною своему любимцу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому который, конечно, отъ подарка не отказался, но и не обращалъ на него вниманія и Крестовскій островъ пользовался плохою славою, гулять на немъ было небезопасно. «22 сентября 1748 года на Крестовскомъ островѣ—читаемъ мы такое современное извѣстіе [125])—нѣкоторые люди Вильгельма Кооперa ограбили и у нево слѣдующіе вещи взяли: а именно томпаковые часы высокой работы, вызолоченые, здѣланные Іосифомъ Жольхе, одни гладкіе томпаковые часы, малые, сдѣланные мастеромъ Сержанномъ и одни гладкіе же серебряные часы, здѣланные Іосифомъ же Жольхе, чего ради ежели кто тѣхъ людей знаетъ или у ково тѣ вещи видѣли, тѣбъ явились въ главную полицмейстерскую канцелярію за что отъ хозяина оныхъ вещей имѣетъ получить въ награжденіи 10 рублей».

Конечно, можетъ возникнуть недоумѣнный вопросъ, почему Вильгельмъ Кооперъ шелъ на Крестовскій островъ съ тремя часами, но все же, очевидно на Крестовскомъ островѣ было и безлюдно и небезопасно.

Графъ А. Г. Разумовскій, живя или въ Аничковомъ дворцѣ или въ своихъ любимыхъ Гостылицахъ, видимо, тяготился Крестовскимъ островомъ и подарилъ его своему брату Кириллу Григорьевичу и 11 Августа 1760 года «со столицей на Майнѣ деревянный домъ Его Ясневельможности Малороссійскаго Гетмана, дѣйствительнаго камергера, Академіи Наукъ президента, лейбъ гвардіи Измайловскаго полку подполковника и разныхъ орденовъ кавалера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго желающіе разобрать, перевесть и поставить на Крестовскомъ островѣ и взять за все ниже 1000 руб., явиться могутъ въ домовой конторѣ» [126]). А въ слѣдующемъ 1761 году за 180 руб, предлагалось перевести съ Мойки и два деревянныхъ флигеля [127]). Такимъ образомъ судя по началу К. Г. Разумовскій хотѣлъ устроить свою лѣтнюю резиденцію на Крестовскомъ островѣ,—въ этомъ лѣтнемъ домѣ 28 января 1772 г. была и Императрица Екатерина II со свитою въ 17 человѣкъ, Императрица обѣдала у К. Г. Разумовскаго и во время обѣда «играла музыка на кларнетахъ и валторнахъ съ пѣніемъ русскихъ пѣсенъ тремя мальчиками» [128]).

Но гетманъ Малороссіи жилъ въ Петербургѣ не подолгу и въ 1775 году «на Крестовскомъ островѣ его сіятельства графа К. Г. Разумовскаго острову желающимъ нанять каменный домъ и садовые покои съ огородами» [129]), далѣе въ 1776 г. «на Крестовскомъ острову желающіе нанять довольно унавоженный огородъ, въ которомъ имѣется довольно лучшихъ родовъ земляники и кустарныхъ ягодъ» [130]). Такимъ образомъ Крестовскій островъ служилъ для графа К. Разумовскаго арендною статьею, хотя изъ свѣдѣній 1775 года видно, что К. Разумовскій не удовлетворился переносомъ своего деревяннаго дома съ Мойки, а выстроилъ и каменный домъ. Этотъ послѣдній, надо полагать, былъ построенъ тамъ, гдѣ теперь возвышается дворецъ Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ. Странное положеніе этого дворца, гдѣ-то въ углу острова, объясняется очень просто, если мы посмотримъ на карту Петроградскихъ острововъ, оказывается, что дворецъ Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго находится какъ разъ напротивъ Крестовскаго дворца. Можно предположить, что графъ Разумовскій строилъ свой каменный домъ въ то время, когда Ринальди, по приказанію Императрицы Екатерины II, воздвигалъ дворецъ на Петровскомъ островѣ. Очевидно, что наиболѣе подходящее мѣсто для каменнаго дома графа Разумовскаго было какъ разъ напротивъ новаго дворца Екатерины.

Кабакъ, подъ который помѣщеніе устроилъ еще графъ Минихъ, существовалъ и процвѣталъ и во время владѣнія островомъ гр. Разумовскимъ. Такъ въ 1773 году [131]) «на Крестовскомъ у трактирщика Михаила Кробато продается хорошаго мастерства, подержанной пантолонъ». — Современный читатель, конечно, недоумѣваетъ, что такое за «пантолонъ», продававшійся у трактирщика: но такъ называлась особаго устройства, первоначальный фортепьяно, а въ 1790 году у другого трактирщика Георга Етца продавались «сибирскіе и рѣдкіе изъ Германіи привезенные матеріалы, а также самоцвѣтные камни» [132]). Въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія громадный фруктовый садъ графа Разумовскаго съ оранжереями, парниками, и огородами арендовалъ садовникъ Елерсъ, который «продавалъ разныя цвѣты, отмѣннаго сорта и въ лучшемъ цвѣту центафолій — розаны, разныя плодоносныя: какъ-то персиковыя, априкосовыя, лимонныя, померанцовыя, яблошныя и вишневыя деревья, груши, сливы, также отборныя заморскія садовыя и цвѣточные сѣмена, все по сходной цѣнѣ» [133]).

Въ началѣ 1803 года сынъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго продалъ Крестовскій островъ за 120.000 руб. князю Бѣлосельскому [134]), новые владѣльцы въ 1805 году [135]) стали продавать на срубку «строевой и дровяной лѣсъ» и такимъ образомъ островъ сталъ до извѣстной степени осушаться и застраиваться. Строили «небольшіе домики» и сами князья Бѣлосельскіе [136]), росла и находящаяся на Крестовскомъ островѣ около нынѣшняго моста на Елагинъ островъ «чухонская деревня», въ которой въ скоромъ времени открылся и новый трактиръ. И съ начала XIX вѣка на Крестовскомъ островѣ функціонировали два трактира одинъ подъ названіемъ «Русскій» другой «Нѣмецкій», хотя содержателемъ его очень часто бывалъ русскій человѣкъ, «ярославецъ». «Случилось намъ, недавно, съ пріятнымъ обществомъ съѣздить на Крестовскій островъ на горы—такъ писалъ уже въ 40-хъ годахъ Булгаринъ [137]) молодыя женщины и дѣти чрезвычайно любятъ катанiе съ Русскихъ горъ и въ этотъ день съѣхалось туда множество семействъ. Горы устроены прекрасно. Разумѣется послѣ катанія съ горы и кавалькады слѣдуетъ завтракъ. Мы удивились порядку, чистотѣ и хорошему устройству трактира и порадовались, что содержатель—русскій человѣкъ». Въ слѣдующемъ году таже замѣтка, но нѣсколько измѣненная [138]): «На горы на Крестовскій островъ также ѣздитъ множество семействъ, особенно въ праздничные дни. Такъ называемый Нѣмецкій трактиръ, содержимый русскимъ человѣкомъ, прославился своими вафлями и вообще пользуется отличною репутаціею на счетъ съѣстныхъ припасовъ и вина. Въ воскресные и праздничные дни вокругъ трактира множество саней, и на горахъ и въ трактирѣ толпа народа. Въ отдѣльныхъ комнатахъ трактира завтракаютъ, на горахъ хохотъ и веселье, музыка гремитъ и человѣкъ забываетъ о вѣчно угрюмомъ сѣверѣ».

Трактирщикъ, памятуя, что къ нему ѣздятъ и русскіе великимъ постомъ, предлагалъ какія-то особенныя «постныя вафли» и скоромныя à la vanille [139]) и, какъ кажется, чуть ли не впервые культивировалъ «особый напитокъ глювейнъ—Glühwein, т. е. грѣтое красное вино съ примѣсью пряностей, называемое обыкновенно по-русски глентвэйнъ» [140]). Кромѣ катанія съ горъ въ трактирахъ устраивались балы, давались представленія фокусниками, играла роговая музыка, пѣли русскіе пѣсенники фабриканта Подкатова національныя рус-

скія пѣсни: «Ахъ ты слышишь ли, милъ-сердечный другъ», «Во лѣсахъ, во лѣсахъ, во дремучихъ» [141]) и т. д. Но зимнія развлеченія не всегда удавались: «Въ залѣ Нѣмецкаго трактира на Крестовскомъ островѣ предполагаемое Людвигомъ Вельнертомъ представленіе въ прошедшее воскресеніе по случаю жестокаго мороза было отмѣнено, каковое, буде не воспрепятствуетъ погода, имѣетъ быть дано 8 Декабря [142]).

И истинное гуляніе на Крестовскомъ островѣ было лѣтомъ. Вотъ какими идеалистическими чертами описывается это гуляніе [143]): «по воскресеніямъ Крестовскій оживляется многочисленными посѣтителями изъ средняго круга, купцами, маленькими чиновниками, нѣмецкими и прочими ремесленниками, которые курятъ сигары на вольномъ воздухѣ и пьютъ чай подъ вѣковыми соснами. Въ двухъ мѣстахъ полковая музыка играетъ увертюры Россини и Обера, а передъ нѣмецкимъ трактиромъ труппа путешествующихъ акробатовъ, раскинувъ огромный коверъ, ломается на разные фасоны, строитъ изъ людей пирамиды и дѣлаетъ разныя штуки. Тутъ же бродящіе артисты играютъ на флейтѣ, арфѣ и скрипки, а кочующія примадоны поютъ аріи изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ оперъ. Переѣздъ на островъ стоитъ дешево и за гривенникъ можно имѣть мѣсто въ лодкѣ которая возитъ по 8 или 10 человѣкъ». Съ постройкою же въ 1838 году моста съ Петровскаго острова на Крестовскій и съ проложеніемъ шоссе можно было попасть на Крестовскій островъ и пѣшкомъ, а съ 1845 года и на дилижансахъ, которые отправлялись отъ публичной библіотеки утромъ въ $8^1/_2$ часовъ, днемъ въ 3 и 5 часовъ и вечеромъ въ 11 часовъ, а обратно въ $7^1/_2$ часовъ утра, $9^1/_2$ часа, 4 часа и 10 часовъ вечера [144]), наконецъ въ 1848 году открылось и пароходное сообщеніе отъ Лѣтняго сада: «два парохода катеръ Архимедъ и катеръ Зундъ съ архимедовымъ винтомъ ходятъ отъ Дворцовой набережной къ Крестовскому острову въ 9, 11, 2, 4, 6 часовъ, а съ Крестовскаго въ 10, 3, 5, 7 часовъ. Наружность этихъ пароходовъ весьма красива, они безъ палубы, а со скамейками какъ катера, машина находится посрединѣ, надъ кормовою частью устроенъ зонтикъ, невысокая труба паровой машины откидывается на петляхъ въ одно мгновеніе при проходѣ парохода подъ мостомъ [145]). Мостъ съ Петербургской стороны открылся только 1 Іюня 1850 года [146]).

Но особенно оживлялся Крестовскій островъ въ ночь подъ Ивановъ день. Сюда на островъ съ незапамятныхъ временъ съѣзжались Петербургскіе нѣмцы праздновать свой Кулербергъ и это празднованіе продолжалось ежегодно вплоть до 1868 г., когда писали: «былъ правда канунъ Иванова дня, но его праздновали очень скромно и на прежній Кулербергъ нѣмцевъ непустили, поелику онъ находится во владѣніи частнаго лица, а такъ какъ частный интересъ у насъ выше общественнаго, то нѣмцевъ и не пустили мять траву на землѣ, составляющей частную собственность»[147]). Но, кажется, 1868 годъ былъ особеннымъ годомъ, затѣмъ все пошло по старому и на Крестовскомъ островѣ жгли костры, пѣли нѣмецкія пѣсни, выпивали громадное количество пива и чувствовали себя совершенно, какъ въ «Vaterland'ѣ».

Таковъ историческій, конечно, эскизный очеркъ трехъ Петербургскихъ, а нынѣ Петроградскихъ острововъ—Аптекарскаго, Петровскаго и Крестовскаго. Первый изъ нихъ уже вполнѣ слился со столицею, Петровскій островъ изъ «древняго достоянія Императорской фамиліи» обратился въ мѣсто для устройства различныхъ фабрикъ и заводовъ, послѣдній—Крестовскій—пересталъ быть собственностью князей и перейдя въ руки акціонерной компаніи сталъ усиленно застраиваться... Пройдетъ еще четверть вѣка и эти острова перестанутъ считаться окраинами города: вырубятся сады и рощи, проведутся прямыя улицы, воздвигнутся многоэтажныя кирпичныя громады и какъ-то странно будетъ слышать про чухонскую рыбачью хижину на Крестовскомъ островѣ или семейство самоѣдовъ на Петровскомъ...

П. Столпянскій.

Примѣчанія.

1) Петровъ. Исторія Петербурга ст. 54.
2) К. Нистремъ. Адресъ-Календарь С.-Петербурга.
3) В. Липскій. Историческій Очеркъ Импер. Ботан. Сада.
4) Историко-Статистическ. Описаніе церквей С.-Петербурга в. VI, стр. 84.
5) Петровъ ст. 48.
6) В. Липскій, стр. 7 и 8.
7) Тамъ же стр. 73.
8) Полное Собраніе законовъ № 2407.
9) Опись сенатскихъ указовъ Баранова. № 4361
10) Тамъ же № 4913.

11) Тамъ же № 5706.
12) Петровъ стр. 745.
13) Историко-Статистическія свѣдѣнія о церквахъ т. VI. 84.
14) „С.-Петер. Вѣд.“ 1773. № 66.
15) Ист.-Стат. Свѣд. т. IV. ст. 150; т. I, стр. 114.
16) Тамъ же т. VI, стр. 84.
17) Тамъ же т. VI. стр. 85,
18) „С.-Петер. Вѣд.“ 1803, стр. 1392.
19) В. Липскій, стр. 73.
20) Полное Собр. Законовъ, № 11044.
21) Архивъ Морского Министерства Дѣлъ Адмир. Коллегіи 1760 г. 30 (II).
22) Петровъ. 622 стр.
23) Николай. Краткія Историч. данныя о развитіи мостоваго дѣла, ст. 46.
24) Жур. Мин. Пут. Сообщ. 1860, т. 24 ст. 111.
25) „С.-Петер. Вѣд.“ 1793, ст. 1095.
26) Тамъ же 1803, стр. 1397.
27) Тамъ же 1801 г., стр. 1205.
28) Тамъ же 1802, стр. 833.
29) Тамъ же 1802, стр. 572.
30) Тамъ же 1803, стр. 102.
31) Тамъ же 1804, стр. 947.
32) Тамъ же 1797, стр. 278; стр. 368; стр. 553; 1799 г. ст. 94.
33) „Сѣверная Пчела“ 1847, стр. 213.
34) Полное Собраніе Законовъ, № 20773.
35) Ист. Ст. Св. VI, стр. 85.
36) Тамъ же стр. 86.
37) Тамъ же стр. 87.
38) Тамъ же стр. 88. „Иллюстрація“ 1845 г., стр. 273.
39) „Сѣверная Пчела“ 1845 г., стр. 271.
40) Воспоминанія о В. Ѳ. Громовѣ, стр. 57.
41) Тамъ же стр. 59.
42) Тамъ же стр. 61.
43) „Сѣв. Пчела“ 1850, стр. 446.
44) Тамъ же стр. 267.
45) „Голосъ“ 1872 г, № 237.
46) Ист. Ст. Св. т. VI, 84.
47) В. Липскій, 76. У Липскаго помѣщенъ нѣмецкій подлинникъ, мы даемъ переводъ.
48) В. Липскій, 174 стр.
49) Георги, Описаніе Петербурга 147 ст.
50) Исторія Военно-Медиц. Акад. стр. 203.
51) „Сѣв. Пчел.“ 1840, стр. 329.
52) Тамъ же 1845, стр. 697.
53) В. Липскій, 107 ст.
54) Импер, Ботан. Садъ, т. II, стр. 17.
55) Тамъ же стр. 123. Липскій, стр. 336.
56) „С.-Петер. Вѣд.“ 1756 № 71, тамъ же 1767 № 58; тамъ же 1768 № 81; тамъ же 1769 № 22; В. Липскій 267.
57) В. Липскій, 158 стр.
58) „С.-Пет. Вѣд.“ 1784, стр. 672; тамъ же 1797 г., стр. 463.

59) В. Липскій, стр. 279.
60) Тамъ же стр. 319.
61) Имп. Бот. Садъ, т. II. 280.
62) Эконом. 1847, № 1 и 2. „Сѣв. Пчела 1848—927.
63) В. Липскій, стр. 336.
64) Им. Бот. Садъ II, 282.
65) Имп. Бот. Садъ II. 279 стр.
66) Тамъ же 279 стр.
67) Тамъ же 279 стр.
68) Тамъ же 175 и 176 стр.
69) Санктпетербургъ. Изслѣдованіе по исторіи, топографіи и статистикѣ столицы, т. II, стр. 15 и 16.
70) Зодчій, 1878 г., стр. 127.
71) Журналъ Петра Великаго 1708. I, стр. 9.
72) Тамъ же 1714. II, стр. 104.
73) Тамъ же 1714. II, стр. 143.
74) Русскій Архивъ 1872 г., стр. 1087.
75) Петровъ, Исторія Петербурга, стр. 188.
76) Полное Собраніе Законовъ. № 4090.
77) Общій Архивъ Министерства Двора, опись 127/561, 9, 8, л. 108.
78) Опись сенатскихъ указовъ Баранова, № 6850.
79) Тамъ же № 6866.
80) Тамъ же № 7163.
81) „С.-Пет. Вѣд.“ 1741 г., ст. 504.
82) Тамъ же 1749 г., ст. 96, 175.
83) Тамъ же 1749 г., стр. 639.
84) Тамъ же 1754 г., стр. 367.
85) Тамъ же 1764, № 76, 1765, № 84.
86) Тамъ же 1739, стр. 567.
87) Тамъ же 1801 г., стр. 1424.
88) Тамъ же 1801 г., стр. 1581.
89) Тамъ же 1744 г., стр. 295.
90) Полное Собраніе Законовъ № 3449.
91) Общій Архивъ Министерства Двора, опись 127/561, 9, 8. л. 107.
92) „С.-Пет. Вѣд.“ 1792 г., стр. 989.
93) Общій Архивъ Министерства двора опись 127/561, 9, 8, л. 159.
94) Тамъ же д. 32, л. 32 и 66.
95) Тамъ же опись 127/561, д. 38, л. 9—14.
96) Тамъ же опись 127/561, д. 8. л. 144.
97) Полное Собраніе Законовъ, № 19896.
98) Прибавленіе къ № 71 „С.-Пет. Вѣд.“ за 1802 года.
99) Записки Дѣяній В. Э. О-ства, 1803 г. LV, стр. 146—159.
100) „С.-Петер. Вѣд. 1803 стр. 1420 и сл.
101) А. И. Ходневъ, Исторія Имп. Вольн. Экон. О-ства стр. 544.
102) „С.-Петер. Вѣд.“ 1824 г., стр. 609.
103) А. И. Ходневъ, стр. 544, 546, 549.
104) „С.-Петер. Вѣд.“ 1791 г., стр. 9.
105) Общій Архивъ Министерства двора, опись 127/561, д. 9, л. 42.
106) Тамъ же листъ 43.

107) „С.-Петер. Вѣд.“ 1803, стр. 1629.
108) Тамъ же 1807 г., стр. 394.
109) А. И. Ходневъ, стр. 547 и 548.
110) Общій Архивъ Министерства двора опись $^{127}/_{561}$ д. 9, л. 22 и 23.
111) „Вѣдомости С.-Петер. Полиціи“ 1841 г., стр. 236.
112) Тамъ же 1840 г., стр. 24.
113) Старые годы 1912 г. іюль—сентябрь.
114) Общій Архивъ Министерства двора, опись $^{127}/_{561}$, д. 9., л. 53—56.
115) Петровъ, Исторія Петербурга, стр. 714.
116) Тамъ же стр. 750.
117) Общій Архивъ Министерства двора, опись $^{352}/_{1343}$ д. 29, л. 90, л. 213, л. 87, д. 32, л. 121, д. 33, л. 124, д. 35, л. 94, л. 184.
118) Общій Архивъ Министра двора.
119) Тамъ же опись $^{127}/_{561}$, д. 20, л. 2.
120) „Сѣверная Пчела“ 1846 г., стр. 149.
121) Зодчій 1878, стр. 127.
122) Журналъ II, 68.
123) Опись Баранова, № 4091.
124) „С.-Петер. Вѣд.“ 1741 г., стр. 311.
125) Тамъ же 1748 г., стр. 626.
126) Тамъ же 1760 г., № 64 и 68.
127) Тамъ же № 21.
128) Петровъ, Исторія Петербурга 786.
129) „С.-Петер. Вѣд.“ 1775 г., № 39.
130) Тамъ же 1776, № 23.
131) Тамъ же 1773, № 71.
132) Тамъ же 1790, стр. 824.
133) Тамъ же 1792 г., стр. 193 и 1280.
134) Тамъ же 1854 г., стр. 702.
135) Тамъ же 1805 г., стр. 661.
136) Тамъ же 1807 г., стр. 245.
137) „Сѣв. Пчела“ 1846 г., стр. 39.
138) Тамъ же 1847 г., ст. 202.
139) „Вѣдомости С.-Петер. Полиціи 1841 г., стр. 60.
140) „Сѣв. Пчела“ 1848 г., стр. 1175.
141) „Вѣдомости С.-Петер. Полиціи“ 1840, стр. 223.
142) Тамъ же 194.
143) „С.-Петр. Вѣд. 1838 г., стр. 501.
144) „Иллюстрація“ 1845 г., стр. 109.
145) „Сѣв. Пчела“ 1848 г., стр. 365.
146) „Сѣв. Пчела“ 1850, № 122.
147) „Иллюстр. Газ.“ 1868 г., № 28.